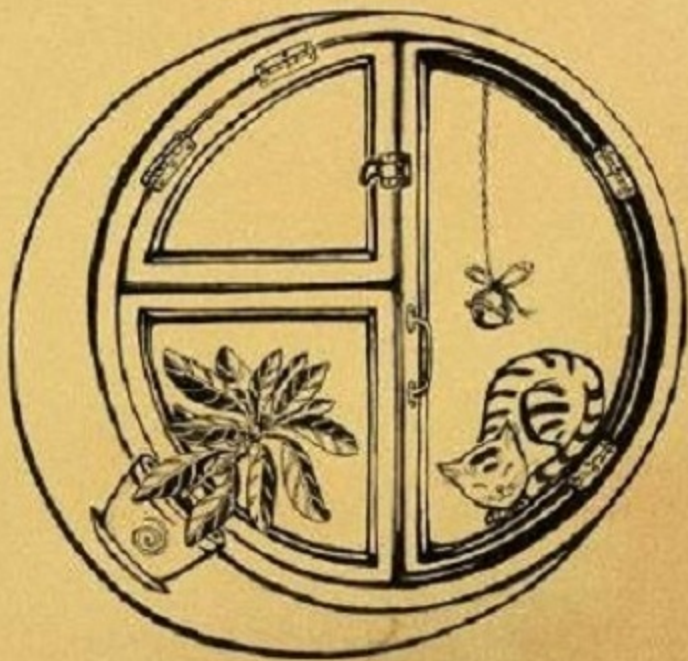

Сказки уручой Стороны

Российская Федерация
Министерство Образования и Науки
ГОУ ВПО Тюменский Государственный Университет
Институт гуманитарных наук

Сказки Другой Стороны

**Сборник
повестей, рассказов и стихов
слушателей Школы
литературного мастерства
Владислава Крапивина
При Тюменском
государственном
университете**

Сказки другой стороны: сборник повестей, рассказов и стихов слушателей Школы литературного мастерства Владислава Крапивина при Тюменском государственном университете. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2013.

Сборник литературных опытов и экспериментов, поставленных учениками Школы литературного мастерства под руководством писателя Владислава Петровича Крапивина, включает в себя произведения разных жанров и стиля. Однако, все они объединены тематикой зазеркалья, сказки и верой в чудесное. Большинство произведений публикуются впервые. Предназначен для читателей и издателей, заинтересованных в поиске новых писательских имен и перспективами развития Тюменской книги.

Ответственный редактор и составитель:

Владислав Крапивин

Иллюстрации:

Мария Цыганкова

Обложка, верстка:

Анна Калугина

Содержание

Предисловие от составителя 6

Рассказы и повести

Тамара Ильина Кошки не умеют считать Робот, который любил дождь	9
Михаил Булатов Сказки чердачного хлама	19
Анна Шушунова Сказка о курочке малой Времена года	35
Екатерина Егорова Конец света в четырех стенах Воры времени	45
Юлия Евстегнеева Ежка – лесной житель	67
Валентина Никитина Улыбка в подарок	69
Дарья Барабенова Пианино	74
Екатерина Заречнева Вилка	79
Мария Цыганкова Сказка об Искре	85
Алексей Крутов Муму	92

Стихи

Дарья Крапивина	99
Маргарита Чекунова	103
Оксана Молоко	107
Мария Цыганкова	111
Станислав Симонов	116
Олеся Бесмельцева	124
Владимир Фурсов	130
Екатерина Заречнева	138

Предисловие руководителя и составителя

Нас, жителей планеты, опять обманули...

Не привыкать. Но обычно такие обманы — и мелкие, и весьма крупные — носят локальный характер. А на этот раз случилось жульничество планетарного масштаба. Конец света, обещанный на 22 декабря 2012 года, не состоялся.

Жители Земли ждали это событие с разными ощущениями. Одни — с откровенным ужасом, другие — со смесью страха и любопытства, третьи — с таким азартом («Ну, давайте, давайте, посмотрим, что из этого получится!»). Четвертые — с ожиданием перемен к лучшему («Потому что, — говорили они, — хуже быть уже не может»).

Ничего не произошло. То есть всяких потрясений в начале тринадцатого года хватило: и наводнения, и крушения, и авиакатастрофы, и бомбовые удары, и вспышки на Солнце, и лесные пожары, и грандиозные финансовые махинации... Но все это, как говорится, «в обычном режиме». Землян такими событиями не удивишь. Даже Челябинский астероид, при всей своей грозе и мощи, задел планету лишь по касательной, не потребовав роковых жертв. А ужасы глобального масштаба отодвинулись на неопределенный срок. И это, конечно, хорошо... Надо сказать, однако, что ожидание подобных ужасов не прошло бесследно. Отпечаток возможности неведомого и пугающего остался в мозгах у многих. Прежде всего в мозгах творческих личностей. И, конечно же, в первую очередь — в сознании тех, кто привержен к литературным занятиям.

Свидетельство тому — сборник «Сказки Другой стороны». Этот третий сборник молодых авторов — участников Школы литературного мастерства, которой в течение семи лет руководит ваш покорный слуга, профессор и писатель Владислав Петрович Крапивин. Руководит «с переменным успехом».

Однако два предыдущих сборника — «Геометрия и мыльные пузыри» и «Зеленые яблоки» — говорят, что некоторые успехи все-таки были...

Третий сборник не похож на прежние. Видимо, потому, что «дыхание Космоса» и ожидание «вселенских катаклизмов» так или иначе коснулось многих авторов. Отразилось на их тематике. Раньше такого не было. А здесь и в прозе, и в стихах (в прозе — особенно) перепутанность яви и мистики, загадок времени и пространства, контакты с неведомыми существами, попытки осмыслить природу запределья, игры с подсознанием... Это заметно и у ветеранов школы, и у новичков. Плохо это или хорошо? Трудно сказать. Но это дань времени, и, значит, имеет право на существование.

К тем, кто открыл сборник, составитель обращается с просьбой: постарайтесь читать вдумчиво и непредвзято. Раскритиковать легко, а ощутить подтексты и глубинные мысли молодых прозаиков и стихотворцев — труднее. Даже в маленькой новелле или коротеньком стихотворении может скрываться глубинный смысл. Ведь автор напрягал фантазию, сочинял, т в о р и л... То, что этому творчеству на сей раз способствовали отголоски космических философий, дыхание мистики и увлечения фантастическими жанрами, не делает книжку менее интересной.

Рассказы и повести

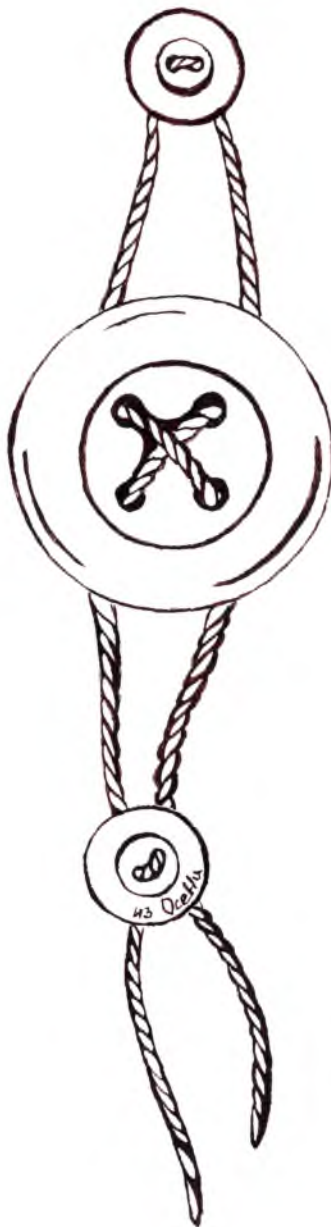
Тамара Ильина

От автора.

Предложение написать о себе всегда ставит меня в глобальный творческий тупик. Потому как, я – это всего лишь я. Такая же, как миллионы других – две руки, две ноги, одна глупая голова. Ну и куча всяких других органов, подробнее к медикам.

А если более подробно, то истеричная, непрактичная, неприличная, ненормальная и нахальная. Не имею тонкой душевной организации и часто путаю ее с прозрачным душевым офисом. Храню дома запас еды на случай атаки зомби. На треть рыжая. Но это скорее всего временно, ибо нет ничего более непостоянного, чем цвет волос у девушки.

Из творческих планов, уехать на море и написать книгу. Обязательно, с картинками. Что за книги без картинок?

Кошки не умеют считать

Лесная тропинка лихо извивалась и петляла под ногами, то ныряя в глубокий овраг, то вдруг теряясь в непроходимых зарослях. Бежать было трудно. То есть, -подумал Кот-, если бы они просто играли в догонялки с соседскими мальчишками, то все было гораздо проще. А вот убежать от людоеда дело другое. Тут если схватят, то в суп отправят, а не отдыхать в тенечке. Мальчишка- то людоеду, конечно, больше нравится, но вчера он как- то нехорошо облизывался и вспоминал про суп с котом. Странное блюдо, но чего еще ждать от этого дикого необразованного верзилы, что живет посреди леса.

Нет, как правильный кот, я мог бы просто залезть на дерево и уже оттуда наблюдать за развитием событий. Наверно, обычный кот так и должен поступать. Кто ему хозяин? Правильно, у нас нет хозяина, потому что мы на то и коты, чтобы гулять сами по себе. И все те люди, возомнившие себя нашими хозяевами, совершенно ничего не понимают и глубоко заблуждаются.

Но вот ведь в чем закавыка, это совершенно не означает, что кот не может завести себе человека. Своего человека. И вот тут возникает еще большая проблема, что именно сейчас, конкретно этот кот завел себе как раз такого человека. Своего. И совершенно, не собирался уступать его какому-то людоеду на похлебку. Так что, видимо, придется брать инициативу в свои пушистые рыжие лапки и спасти пацана, который к тому моменту не чуял под собой ног от изнурительной беготни.

Кот остановился и посмотрел назад на испуганного чумазого мальчишку, что выбивался из последних сил, и был готов рухнуть от изнеможения.

- Лезь в кусты и сиди там тихо. – тихо сказал Кот. – Я его уведу и вернусь за тобой.

- Но... А вдруг он не пойдет за тобой. Я большой, а ты маленький. И я не хочу, чтобы ты меня бросал. Одного.

- Лезь в кусты. Быстро. – повторил Кот. Ты что забыл, кто я? Я же один из великих приключенцев и путешественников. Я всегда выхожу из любых трудностей с гордо поднятым хвостом.

- Но... - вновь попытался возразить мальчик.

- Не спорь, вон слышишь, он уже близко. В кусты. Живо. Совсем рядом, буквально за поворотом, действительно послышались тяжелые шаги и хриплое дыхание. Мальчишка так побледнел, что это стало заметно даже сквозь все его веснушки и грязь, и на четвереньках вполз в ближайшие заросли.

Кот постоял еще немного, ожидая, что куст начнет трести мелкой дрожью. Но на удивление, там все быстро затихло и только слегка примятые листочки выдавали, что там скрылся человек.

- Вот и славно. – подумал Кот. – А вот теперь нужно шуметь мне. – И вспомнив нечто приятное, и явно из марта, издал воинствующий вопль и бросился в другую сторону, намеренно производя как можно больше шума и снося на своем пути сухие ветки, отцветшие растения. Его маневр удался. И то ли людоед был настолько глуп, что не заметил исчезновение мальчишки, то ли его просто настолько привлекал деликатесный суп с котом, что преследование он продолжил. Что было Коту на руку, а точнее на лапу.

Кот мчался по лесу, не убегая слишком далеко, чтобы верзила, преследующий его, вдруг не отстал, и не пошел искать мальчика, и на бегу размышлял, что же дальше ему делать. Потому как долго эта безумная забава продолжаться явно не может. Как вдруг все его размышления внезапно прервались. Полетом. А точнее падением, потому как тяжкие думы привели к тому, что Кот не заметил, как густой кустарник

внезапно закончился обрывом. А вернее пропастью, над которой как раз и завис пушистый.

Завис. Хотя должен был бы лететь.

- Ой. Как же мне все не нравится, - только и успел сказать Кот, как тощая фигура в черном присела рядом. Прямо на воздух.

- А вот и я. – радостно протянула фигура в балахоне.

- А вот и ты. – весьма грустно сказал Кот.

- Давно, не виделись.

- Неужели настолько давно? Я вот даже соскучиться не успел.

- Кот перекувыркнулся в воздухе, и устроился поудобнее, ведь, как известно, нет ничего хуже, чем общаться с Ней, когда висишь в ужасной позе. А положение и без того было не из приятных.

- Ты как всегда, все шутишь. – Под темнотой балахона явно почувствовалась наглая усмешка. – Но думаю, что это в последний раз. Я тебя забираю.

- Как забираешь? – Кот на миг потерял дар речи, чего с ним не случилось с того момента, как он этот дар обрел.

- Ты не можешь. У кошек 9 жизней. Даже если сейчас я разобьюсь. – Кот посмотрел вниз и поморщился. – У меня все равно еще останется в запасе жизни три... или может быть, даже четыре.

- Кошки совсем не умеют считать. – Фигура вздохнула. – Почему с вами так сложно? Каждый раз приходится с вами спорить, и ворошить прошлое? Ну ладно, смотри.

- И фигура извлекла прямо из воздуха огромный потрепанный фолиант и очки. Очки тут же исчезли под капюшоном, а фолиант раскрылся, где-то посередине.

- Итак, Кот рыжий, с белыми пятнами, пушистый. Имя, как ни странно, Кот, хотя и был известен под разными кличками. В первый раз, ты расстался с жизнью при рождении, когда тебя и троих братьев засунули в мешок, и отнесли в лес.

- Нет, нет, нет. Все было совершенно, не так. Разве у тебя не

написано, что нас нашла прекрасная девушка, которая в ту пору собирала ягоды в лесу. Она отнесла нас домой, отдала своей кошке, которая выкормила нас и вырастила как своих детей. Так что тут ты ошибаешься.

- Второй случай зафиксирован, когда на тебя спустили собак за твою любовь залезать в чужие дома. Причем, к породистым кошечкам. Хозяевам той пушистой барышни очень не понравилось, что у их породистой девочки родились рыжие котята.

- Неужели ты серьезно думаешь, что я бы не убежал от таких глупых, толстых ленивых псов?! – Посмотри, я же в отличной форме. – И Кот начал крутиться и выгибать спинку.

- В хорошей, хорошей, - усмехнулась Смерть. – Продолжим. Потом ты рухнул со стены замка, когда в очередной раз, измазавшись сажей, решил напугать одного очень суеверного охранника. Бедняга решив, что видит черта, так испугался и заорал, что когда побежал, споткнулся о свою же пику и рухнул, а тебе, рыжий, пришлось уворачиваться от пики, из-за чего ты и совершил полет со стены.

- Там внизу была очень удачно подвернувшаяся подвода с сеном.

- Потом, - совершенно, не обращая внимания на замечание, продолжила Смерть, - ты оказался в горящем доме...

- Я все могу объяснить, - Кот снова попытался вмешаться.

- Потом... бесстрастным, мертвым голосом продолжала фигура в капюшоне.

- Ну хватит, хватит. Неужели тебе так со мной скучно и хочется меня забрать. – Кот пронзительно посмотрел туда, где, по его мнению, в темноте капюшона должны были скрываться глаза. - Ну вот посмотри какой я хороший, красивый, послушай как я мурлыкать умею, – и Кот действительно замурлыкал. Да что там замурлыкал, он умудрился придвинуться близко – близко, почти на колено залез. Но все же в

последний миг такой вольности себе не позволил. Смерть протянула костлявую руку и замерла в нерешительности.

- Девять жизней у кошек. Только девять. И твои уже кончились. – Смерть, смутившись, убрала руку.

- Муррррр, - продолжал Кот. – Мы ведь уже решили, правда? Как минимум пять мы можем смело отбросить.

- Кошки совсем не умеют считать. – вздохнула темная фигура.

- Но на сегодня у меня есть тебе замена. Большая. – Она усмехнулась и взмахнула рукой.

Время вновь ожило. Кот оказался в воздухе, безумно перебирая лапами. Откуда-то сверху раздался грохот, и рядом оказалось что-то большое. Кот, не задумываясь, оттолкнулся всеми четырьмя лапами, и в одно мгновение оказался наверху. Совсем рядом, он услышал сухой смех, и ему показалось, что чья- то тонкая костлявая рука осторожно погладила его. Против шерсти.

Кот посмотрел вниз. Где- то там, далеко внизу лежало тело людоеда. Пушистого зверя немного передернуло.

- Если бы я был человеком, наверное, перекрестился. – подумал он и пошел искать мальчика. – Все -таки хорошо, что кошки не умеют считать.

Робот, который любил дождь

Он работал, привычно, так же как и раньше изо дня в день, повторяя одни и те же несложные движения. Поднять, перенести, разгрузить, загрузить. Стальные мышцы, микросхемы, манипуляторы и еще тысячи мелких и крупных, важных и не очень деталей – вот что составляло его тело. Он просто такой же, как те тысячи его собратьев, что работали вместе с ним,

потрепанный, давно уже не новый робот с номером на груди, напротив того места, где у людей находится сердце. Устаревшая модель, их давно надо бы списать, но вместо этого их отправляли сюда, на забытое Богом и людьми, старое то ли кладбище машин, то ли просто свалку, оставшуюся в наследство от предков, что жили много веков назад. Здесь в сером и монотонном однообразии протекали его дни, и дни его собратьев, таких же ущербных роботов, ставшими ненужными давным-давно.

Раньше все определенно было иначе. Он помнил, да, и такие функции были заложены в него неведомым создателем. Он был одним из первых роботов, которым было дано умение мыслить и помнить, а может, это само пришло за долгую-долгую жизнь. Задуманный для работ на фабрике, он постепенно уступил место более совершенным моделям, путешествуя с одной фабрики на другую, все более и более удаленную. Пока не оказался здесь, вместе с другими изгоями всех видов функционала и моделей различной направленности.

День за днем они выполняли свою простую работу, разбирали горы, холмы, каньоны и овраги мусора, сортировали его и складывали в контейнеры для отправки на заводы, где сырье перерабатывали. Возможно, потом из него сделают новых роботов. Так, что может быть, подумал он, что мы помогаем родиться новой механической жизни, что будет более совершенной, чем мы. Впрочем, новое место работы и, уж наверняка, последнее, его не удручало, тут даже были свои плюсы. Он, наконец, смог увидеть то, о чем так много слышал, но видел лишь иногда в высокое зарешеченное окошко фабрик, - небо. Оно было совершенно другим, не таким, как в городах, затянутых серым тяжелым смогом, здесь не было свинцовых пузатых туч, грозящих раздавить своей тоской все земное.

Все по - другому, все иначе, и определенно такая перемена нравилась ему. Высокое-высокое, далекое-далекое небо манило лазурной глубиной, облака были белогривы и легки. Веселые и беспечные, они неслись по простору небес, играя в пятнашки. А иногда он видел огромные гордые корабли, что величаво несли свои тела по небесным волнам. По ночам он следил из гаража, как зажигаются на черной глади неба разноцветные лампочки, которые мерцали каждую ночь. Он смотрел и пытался понять, как же они складываются в микросхемы, и за что отвечает каждая. Он просчитал сотни вариантов, но так не нашел никакой последовательности.

Это созерцание отвлекало его от работы, но люди, оставив этот оазис заброшенной техники на самообеспечение, ничего не знали, и не могли заставить его вернуться к работе, а если бы и видели, что бы они подумали? Он не знал, да и этот вопрос его мало интересовал. В последнее время его гораздо больше занимали совершенно другие мысли.

И от этих мыслей пробирало дрожью его железное нутро, заставляло микросхемы радостно и волнительно помигивать в глубине его тела. Этой тайной - была вода, что иногда лилась с неба, кажется, люди ее называют дождь. Было что-то совершенно завораживающее в падении капель, которые он мог видеть только в пыльное, закопченное окно их ангара. Да еще стук, барабанная дробь. Тук-тук, тук-тук. Иногда он видел, как яркие золотисто-белые вспышки озаряли ночь, высвечивая на краткое мгновение мир, или рассекали небосвод кривыми изломанными линиями.

И это странное явление все сильнее его захватывало. Он думал о нем, когда собирал и укладывал мусор, когда возвращался на отдых и подзарядку к своей станции, когда все остальные отключались на положенные шесть часов. Он даже

начал подозревать, что думает об этом, когда отключенный, он подзаряжался. Может, это то, что называется сон?

Сейчас он был спокоен и уверен. Он принял решение, возможно, что оно даже шло вразрез с заложенной в него программой. Но что-то внутри него было сильнее. «Может, я просто изнашивался, совсем устарел» – подумал он. Но решимость его от этого не уменьшилась. Осталось дожидаться только подходящей ночи.

Когда она настала, обычная ночь с грозой, он знал, что делать. С остальными роботами, четко следуя инструкции, он до наступления атмосферного явления – дождь, занял свое место в ангаре, чтобы не подвергать устаревший механизм опасности выхода из строя. Их давно не смазывали, да и не создавались они для работы на открытом воздухе, поэтому работать в условиях повышенной влажности запрещалось.

Дождавшись, когда остальные мирно уснут на своих поста-ментах, подключенные к питанию, он тихо и заметно вышел на улицу, под косые струи дождя и порывы ветра. В первый раз, он ощутил на своем железном теле, холодные прикосновения капель дождя. Он смотрел в небо, с которого лилась и лилась вода, стекая мутными ручейками с его механических конечностей. Он слушал, как разбиваются о его металлическое тело капли, как они барабанили по его броне. И если бы кто -нибудь вдруг случайно оказался здесь, на краю мира, то может быть, в вспышке молний, он бы увидел что-то совершенно непонятное обычному обывателю – как стоит, раскинув руки робот, высоко задрал свою голову к небу. Как стекают по его лицу, струи дождя точно слезы. Но, конечно, никто не мог этого увидеть, а если бы и увидел, то не поверил бы своим глазам.

А на утро в ангаре стало на одного работника меньше.

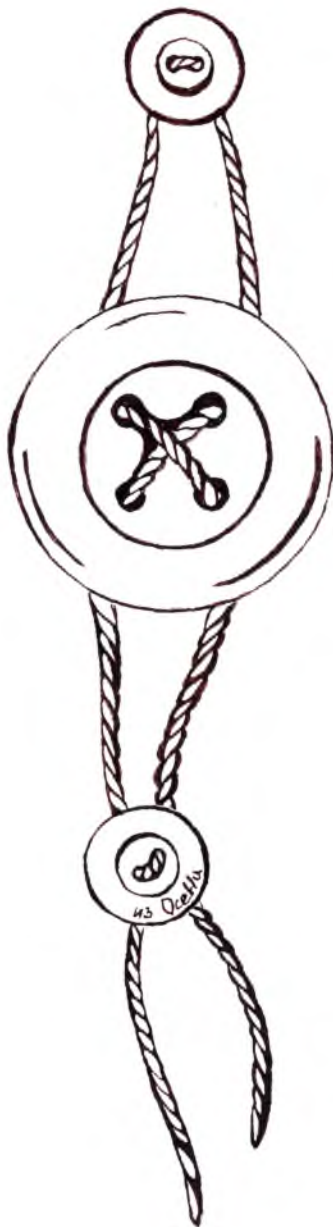
Никто не удивился такому исчезновению - все когда-нибудь ломаются.

Что случилось с ним пусть останется секретом. Может, он лежит где – то с перегоревшими микросхемами, когда его давно устаревшего, залило водой и где-то замкнуло контакты и только капли дождя высыхают на его фасетчатых стеклянных глазах. Может, он остался цел и даже не проржавел и просто сидит и смотрит в небо, что вдруг полюбил, хотя не знает даже этого слова, и ждет всем своим электронным сердцем и микросхемами, что скоро снова пойдет дождь.

Михаил Булатов

О себе.

Я никогда не писал для того, чтобы прославиться, оставить след в истории, попасть в школьные учебники. Ничего подобного. Тем более я не пишу затем, чтобы сделать мир лучше, мне незачем притворяться добряком. Просто для меня это так же естественно, как дышать. Если у меня нет возможности писать, то я начинаю задыхаться. Получается так, что вы, читая мои сказки, на какой-то момент можете дышать со мной в одном ритме, и тогда у нас уже появляется что-то общее

Сказки чердачного хлама

*Дорога, замыкающаяся в круг,
Не оставляет нам возможности вернуться*

Предисловие

Горька на вкус икра лосося, и замирает время в расширенном зрачке задыхающейся рыбины, выкинутой на мокрую палубу рыбацкого барка в скользкой лавине хвостов и плавников сородичей. Еще горше никотиновый привкус беломора в обветренных губах браконьера, что длинным прямым ножом вспорет лососю надутое икрой брюхо. Но в моих словах горечи нет, как нет ее в легких семенах одуванчиков, увлекаемых ветром на пустыри и цветники ваших сердец. Они прорастут.

Я вижу перед собой зеркального двойника, и вглядываюсь в красный узор лопнувших капилляров на белках его глаз. Мне чудится там секрет, который узнаёт умирающая рыба. Горький секрет сгинувших племен и народов. Секрет Кроноса, которому подвластна река Лета. Но Господь, пришедший на смену богам Эллады, навсегда запечатал рыбам рты молчанием, чтобы люди не узнали этого секрета. Однако Всевышний великодушно оставил нам возможность искать ответы в зеркалах и на циферблатах. Об этом знал Льюис Кэрролл, спускаясь по блестящим ступеням к самому центру лихорадочного ада своей возлюбленной, об этом знал Данте, накручивая девять кругов прядью волос мертвой Беатриче вокруг указательного пальца правой руки. Об этом знают и семена одуванчиков, несомые ветром моих мыслей, словно воды в русле Стикса. И дымит папираса в губах слепого перевозчика, седовласого Харона.

Месяц, где пролегает граница между зимой и весной, на

исходе небытия – февраль. Тот самый месяц, когда приходит пора заглянуть в свои чуланы и на чердаки, чтобы впустить в легкие пыль прошлого. И как следует прочихаться, позволяя минувшим дням смешаться с еще не рожденными днями. Ибо только так, взболтав в груди своей осадок прошлого и взвесь будущего, можно рассчитывать на настоящее. Февраль – тонкая пелена небытия, прозреть которую столь же легко, как провести пальцем по запотевшему стеклу.

Я рисую указательным пальцем правой руки на запотевшем стекле окна дом. Я стар, но память моя хранит все запахи и прикосновения минувших дней. Подобно женщине, вертится память перед зеркалом, прихорашиваясь перед будущими читателями. Я рисую Дом.

Молчание, подобное немоте рыбы, знающей тайну, ложится тенью между вчера и сегодня, и дом становится могилой слов. И чем больше слов мы вылавливаем из вечной реки и бросаем умирать на осклизлые доски, тем сильнее в доме запах плесени и разложения. И горькой на вкус становится еда, и горько дышать воздухом этого места. Но нет горечи в словах моих, потому что они-то точно живые. Они прорастут. И потому я рисую дом.

Уставшие глаза устремлены в ночь. В ту самую, последнюю ночь февраля. Я зажимаю в губах папиросу, отталкиваюсь длинным веслом от берега, и пускаюсь в путь, из мира мертвых – в мир живущих. Я теперь тоже знаю тайну Кронаса.

Сказки чердачного хлама

В чердачном сумраке Тренога вытянула одну из своих длинных конечностей, пытаюсь устоять на двух оставшихся. По очереди хрустнули все суставы и сочленения, Тренога покачнулась, и сказала:

—Бедные, бедные люди! Как они только обходятся без третьей ноги?

В углу, у окна, громко чихнул алебастровый бюст Ленина. От неожиданности Тренога упала. Алебастровая голова вождя была простужена. Чихнув еще раз, бюст, по своему обыкновению начал бубнить:

— Даже в математике она нужна, даже открытие дифференциального и интегрального исчислений невозможно было бы без....

— Третьей ноги? – Встряла Тренога.

— ...Фантазии! Фантазия есть качество величайшей ценности!* – закончил свою мысль бюст Ленина и обиженно замолчал.

Тренога вздохнула, и поднялась на ноги. В былые времена она принадлежала художнику, на нее живописец водружал этюдник. Из-за связи с высоким искусством все чердачные жители считали Треногу немного эксцентричной натурой.

На гвозде под потолком был подвешен старый Чайник-турист с закопченным доньшком. Со своей высоты он ехидно обратился к бюсту Ленина:

Это ты, дядя, про фантазию хорошо сказал. Тот, с кого тебя вылепили, знатный фантазер был!

Алебастровая голова заговорила снова, отвечая закопченному Чайнику:

— Товарищ! Не зарывайтесь, товарищ! Может, я и не могу

сейчас до вас дотянуться, но мировая революция дотянется.... Дотянется... до всех врагов социализма!

Чайник, весьма удивленный тем, что его объявили врагом социализма, не снизошел до ответа и вместо этого начал насвистывать «All You Need Is Love»**.

Тренога услышала знакомый мотив, и попыталась станцевать, повторяя:

— Ах, как я люблю музыку! Как люблю!

Но ее не слишком-то умелый танец продлился недолго – одна из ног застряла в щели между досками, и Тренога снова упала. Лежа на полу, в грудe пыльного тряпья, Тренога печально произнесла:

— Вероятно, он забросил меня на чердак потому, что я слишком люблю танцевать, - и, добавила, уже невпопад, - Постоянный сквозняк...

Чайник перестал свистеть, и спросил:

— Кто тебя бросил?

— Художник, - ответила Тренога, - Трам-парам-пам-пам, крысы жмутся по углам...

Бюст Ленина сказал:

— Биссектриса – это крыса...

Тренога и Чайник воззрились на него с недоумением. Чайник:

— Да, дядя, видать тебе и вправду сквозняком лысину совсем продуло.

Бюст Ленина обиженно засопел:

— Да ну вас, я думал – вы в рифмы играете...

Раньше бюст Ленина стоял в красном уголке Благовещенского вокзала, и маневровый диспетчер всякий раз щелкал его по носу, когда возвращался домой с дежурства. Из-за этой привычки маневрового диспетчера алебастровый нос потемнел и облупился, и теперь бюст Ленина серьезно комплексовал. Прерывая неловкую паузу, Ленин снова заговорил, и на этот раз голос его был размеренным, и лишенным всяких эмоций:

— Скорый поезд АЕ № 365 «Благовещенск - Москва» по техническим причинам под посадку задерживается, приносим свои извинения за доставленные неудобства.... На третью платформу, пятый путь прибывает товарный состав... - Ленин ненадолго замолк, и после добавил — Уважаемые пассажиры, не оставляйте свои вещи без присмотра ...

Дело в том, что алебастровая голова вождя долго стояла на вокзале. За это время она наизусть запомнила расписание поездов, и порой, впадая в беспамятство, начинала вспоминать тех железнодорожных гончих, которые давно сбились со следа. Сверху хихикнул Чайник:

— Вот оставили нас однажды без присмотра, и спрашивается, что хорошего из этого вышло? – и, взглянув на остановившиеся напольные часы, со вздохом продолжил свою мысль, - А «Благовещенск - Москва» все время задерживается. Так и

не могут домой вернуться эти горемычные пассажиры.

Белесые тени несостоявшихся пассажиров, казалось, сами собой рождались в холодном воздухе чердака, бурчали под нос ругательства, громогласно вздыхали и рассеивались, оседая пылью на остановившихся колесах времени. Или это просто гуляка-ветер сыпанул щедрую пригоршню снега в чердачное окно? В этом сиротливом мире не происходило ничего. Ну, или почти ничего. Порой для того, чтобы сдвинуть вековые, вросшие в землю глыбы, достаточно одного маленького камушка. В повисшей, точно апостол на осине, тишине зазвенела зимняя муха, неведомым образом очнувшаяся ото сна.

Ее появление прокомментировал вождь:

— Надо же, муха – сказал Ленин, изрядно удивленный, и потому выражавшийся не столь красноречиво.

Тренога, с трудом восстановив утраченное равновесие, подпрыгнула сразу на трех ногах, радуясь этой странной, невозможной мухе, как школьник радуется летним каникулам.

— Муууха, одна голова – два уха, муууха! – запела она фальшиво, пританцовывая на одном месте.

— А у кого-то нет ни голоса, ни слуха – язвительно заметил чайник, и усмехнулся – вот, помню я, стояли мы лагерем в степях Казахстана, поехали на археологические раскопки. Шутка ли, скажу вам, бороться с полчищами этих гадостных мух на протяжении недели! Немало археологов полегло там... с кишечной инфекцией.

Сонная муха меж тем продолжала жужжать и сшибаться со всяким препятствием, что возникало на ее нелегком пути. Словно путник, утративший вектор дороги. Возмутительница чердачного покоя не ведала, что неотвратимая судьба с кошачьей мордой притаилась за картонной коробкой. Оголодавший кот Василий давно следил за метаниями мухи. Выбрав удобный момент, он ловко выпрыгнул и оглушил муху ударом черной лапы. Засунул в пасть и принялся меланхолично жевать.

— Вася, да ты просто акробат, - оценил прыжок Василия Чайник-турист, - тебе бы в цирке выступать!

Василий пожевал муху, сморщился, чихнул и выплюнул ее. Почесал лапой за правым ухом.

— Что нам цирк, когда и так каждый день, словно на арене, - сказал он, и после добавил печально – жрать-то как хочется!

Черный кот Василий забирался на чердак только время от времени. Например, если в подполье переводились мыши, он приходил поохотиться на голубей. Однажды он даже поймал летучую мышь, чем страшно гордился целую неделю. Сейчас у кота Василия были не лучшие времена.

— Не грусти, Вася – попыталась утешить его Тренога, - когда я жила с художником, ему порой тоже было нечего есть. Ах...

Кот снова почесался, на этот раз за левым ухом:

— Чертовы блохи. Забросили вас за ненужностью на этот чердак, вы и сидите тут сиднем целыми днями напролет. А я животное вольное, где хочу, там и гуляю. Мррр.

Чайник со своей высоты присвистнул:

— Ты, Вася, не умничай! Вот бывал я однажды в Тибете, там мудрецы эти высокогорные тоже сидят себе в монастыре, и носа от туда не кажут, - кстати – тут Чайник обратил внимание на Ленина, - что-то Ильич замолк. Уснул он там, что ли?

Бюст Ленина засопел негодуяюще:

— И вовсе я не уснул! Я тоже на своем веку немало людей перевидал. И все они куда-то спешили, пытались обуздать время... а со стороны посмотришь – чем они от нас отличаются, или от этой вот мухи?

Пережеванная муха признаков жизни не подавала, и Василий брезгливо от нее отвернулся, после чего взобрался на напольные часы, стоявшие на чердаке. Заглянул в мертвый циферблат, и резюмировал:

— Весь мир – чердак, и люди в нем – хламье!

На что Чайник-турист ответил:

— Да вы, батенька, я погляжу, мизантроп!

Остальные же просто тактично промолчали. Тишина теперь раскачивалась, как девочка на качелях, готовясь спрыгнуть и помчаться играть, наполняя двор звонким смехом. Василий смутился, и продолжил свою мысль, сбиваясь и пытаясь подобрать нужные слова:

— Ну, а если с другой стороны посмотреть, то ведь каждая

голова – вот такой чердак. Взять хотя бы тебя, - кот обратился к бюсту Ленина, - вот ты, например, разум. Рационалист! Чайник – это воплощенный жизненный опыт. Ну а Тренога... Сплошные эмоции, что с нее взять...

Ленин усмехнулся, и спросил кота:

— Ну а ты, Василий, тогда кто такой?

Черный кот, впрочем, не растерялся. Он явно ожидал такого вопроса. Загадочно мурлыкнув, Василий сообщил:

— А я коллективное бессознательное. Мрррр...

Первой начала смеяться Тренога, а за ней подхватили остальные. И небольшая комната наполнялась этим смехом, как воздушный шар наполняется воздухом.

Алебастровый Ильич трижды чихнул, завершая тем самым приступ внезапного веселья. Только Тренога продолжала смеяться:

— Коллективный... Кот! Бессознательный... Василий!

На Треногу, впрочем, внимания не обращали, так что и она вскоре утомилась. Чайник насвистывал незатейливый мотив, кажется, что-то из репертуара Бориса Гребенщикова, и слышно было только, как бурчит у Васьки в животе. Эта непостоянная тишина, туго натянутая холстом на подрамник несбывшегося, казалось, уже трещит, и вот-вот лопнет. Облупившаяся голова Ленина вновь громко чихнула, и все присутствующие вздрогнули.

— Будь здоров! – опомнилась Тренога, и впервые за все время

разговора пожелала алебастровой голове здоровья. Будь у Ильича слезы, он непременно бы пустил скупую слезу.

— Здоров! – вместо каноничного «спасибо» повторил Ленин. Здоров... Много ли вы знаете о душевном здоровье? Я без малого полвека простоял в красном уголке железнодорожной станции. Я видел, как сходятся и разбегаются пути. Вокзал – это большой перекресток, на который приходят разные люди, чтобы сделать свой выбор. Люди, которые больны дорогой. Той самой дорогой, что ведет от колыбели к могиле. Я расскажу вам про маневрового диспетчера, служителя трехтелой Гекаты. Немалую часть жизни он отработал на Благовещенском вокзале, гоня локомотивы по вытяжкам и сортировочным горкам. Иногда, впрочем, он рисовал огрызком карандаша в блокноте, который всюду носил с собой. Возвращаясь с работы, он любил щелкнуть меня по носу, и загадать желание. Скажу я вам, что желания этого утомленного дорогой человека были просты – вкусный ужин, теплая постель, надежная крыша над головой. Но вот однажды, морозным февральским вечером, он пришел ко мне необыкновенно хмурый, и загадал нечто особенное...

— Он загадал третью ногу?! – встряла Тренога не во время, но на нее тут же зашипел Василий.

— Нет, не третью ногу. Он пожелал навсегда покинуть это шумное и суетное место. Долго служил он хранительнице перекрестков, пришло время завершить эту службу. Он взял в кассе билет, и уехал на поезде АЕ 365 «Благовещенск - Москва»... Бог дороги и перемен, легконогий Гермий, призвал его.

Чайник-турист неспешно раскачивался под потолком, и

когда алебастровый Ильич закончил свой рассказ, то он присвистнул, и сказал:

— Гермий – это не тот ли самый бог, который души усопших за руку водил мимо Белого утеса? А, впрочем, не важно. Знал я человека, который готов был хоть в Аид, хоть к черту в пасть отправиться, чтобы пересчитать, сколько там зубов, лишь бы на месте не оставаться. Где мы только вместе не побывали – Салехард, Аляска, Херсон, Казахстан... Всего не вспомнить! И вот, однажды мы попали в переделку. Занесло нас в пустыню Атакама, что в Южной Америке. Адское местечко, я вам скажу – говорят, что дождь над пустыней идет раз в тысячу лет! А местные жители ловят туман в собственные карманы, потом выжимают карманы, и так получают воду. Знатные шарлатаны эти аборигены, я вам скажу. За половину припасов мой хозяин выменял у одного индейца карту. Этот плут заверил хозяина, что карта поможет ему найти дорогу в затерянный город, Эльдорадо.

Эх, если бы мой хозяин только сумел разобраться, о чем я позвякивал в рюкзаке! Как только я не предостерегал его! Но глух был человек, и ослеплен дорогой. На пятый день наши и без того скудные припасы подошли к концу, мы сбились с пути, и готовы были распрощаться с жизнью. Признаться, я был уверен, что мне суждено навсегда остаться в серых песках Атакамы, и через сотни лет мой проржавевший остов найдут археологи, а рядом будет лежать иссохший скелет хозяина. Человек поклялся, что если ему удастся выбраться живым из объятий пустыни, то он посвятит свою жизнь смиренному служению Дороге. На следующий день нас чудом заметила экспедиция ученых. Когда мой хозяин немного оклемался, мы уже добрались до Арикке, крупного чилийского порта, где он и продал меня в скобяную лавку, равно как и прочее дорожное снаряжение. Я запомнил его взгляд, в котором

навсегда остался обжигающий и колючий песок пустыни.

Тренога хихикнула:

— А я расскажу вам про художника. Он рисовал все подряд, днем и ночью, и даже во сне его руки двигались так, как будто он рисует. Вот однажды, ясным мартовским утром, проснулся художник, поглядел на себя, лохматого да небритого, в зеркало, и тут его как будто сам Зевс молнией по темечку огрел. Понял художник, что он сам себе карандаш, а весь его день, который еще толком не начался – чистый лист. Всякий человек собой, плотью и кровью своей, рисует собственную жизнь, подобно карандашу. И стачивается с годами, пока не останется только короткий грифельный огрызок. Собрал он нехитрый свой скарб, после чего отправился на вокзал, чтобы посвятить свою жизнь путешествиям. Каждая его новая дорога была подобна линии, и так линии складывались в узор, пока, наконец, художник не написал свою самую грандиозную картину.

Бессознательный кот Василий, который помимо того был еще и коллективным, широко зевнул и сказал:

— Знаете, а все ваши истории начинаются и заканчиваются на вокзале. Думаю, это – неспроста. И не есть ли любая человеческая жизнь – одна и та же история, которую каждый рассказывает на свой лад? Бррр, все же, какой здесь сквозняк! Не удивительно, что Ильич постоянно чихает.

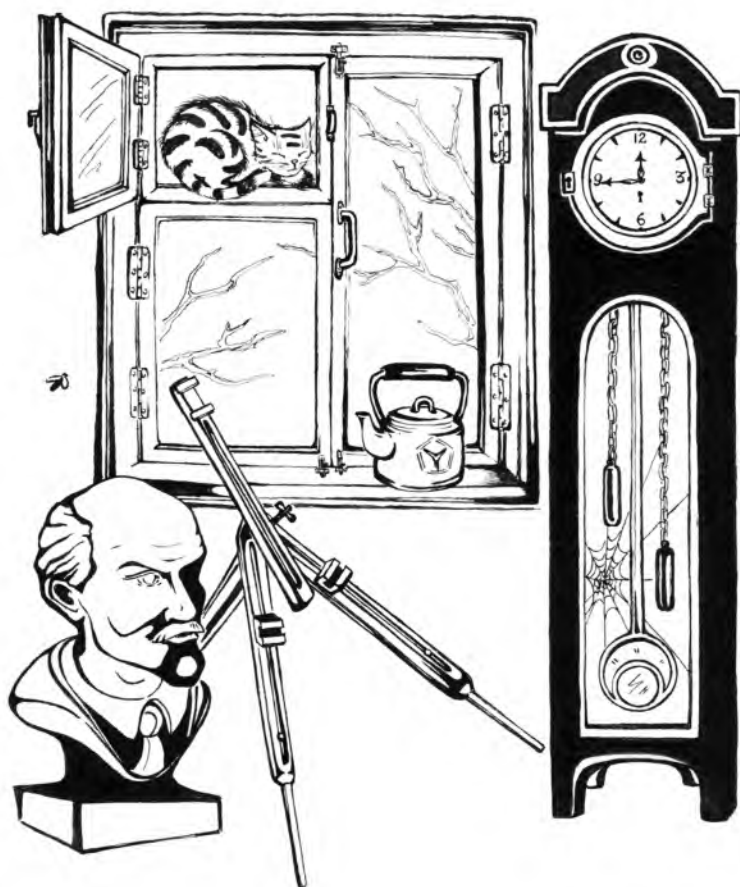
Голова вождя и впрямь чихнула, после чего монотонным голосом сообщила:

— До отправления скорого поезда АЕ № 365 «Благовещенск

- Москва» осталось пять минут! Просим занять свои места в вагонах...

Тени пассажиров, мигом возникшие в чердачном сумраке, радостно загалдели, и вытянулись, подобно дыму, в открытое окно. Коту Василию даже показалось, что в старых часах что-то щелкнуло. Время просачивалось в этот мир забытых вещей, капля за каплей, как вода, готовая прорвать плотину небытия.

... Прогрохотала тяжелая крышка люка, и на чердак поднялся

пожилой мужчина. Согревая заляпаннные краской ладони, он оглядел памятные ему вещи. Немало времени и сил было потрачено на то, чтобы отыскать их, и собрать в одном месте. Сложнее всего оказалось найти чайник. Его пришлось выкупить на аукционе за немалые деньги. Человек прошел к окну, по-приятельски щелкнул Ильича по алебастровому носу, поднял на ноги шаткую Треногу, бросил теплый взгляд в сторону закопченного чайника. Кот завидел старика и принялся отираться о его ноги:

— Опять, паршивец, через окно забрался... Голодный, небось?

Из распахнутого люка доносились приятные запахи. Василий принялся, безошибочно определив, что там готовят рыбу. Через некоторое время послышался женский голос:

— Опять ты в свой хламовник полез? Лосось-то уже готов, соком истекает! Спускайся, а то все самое вкусное без тебя съем!

— Ничего, разбойник, я сейчас... - обратился художник к Ваське, и собрался уже уходить, но на полпути развернулся, хлопнул себя по лбу, словно вспомнил, зачем пришел.

Он вытащил из-за ворота клетчатой рубашки цепочку с ключом, вставил его в часовой завод, и повернул на девять полных оборотов. Механизм лязгнул, тяжелые стрелки сдвинулись, начиная новый отсчет. Когда старик ушел (Василий очень надеялся, что он не забудет вернуться и принести еды), Ленин возмущенно проворчал:

— Вот хам и разгильдяй! Нет, вы видели – снова он за свое?! Василий потянулся, и поинтересовался у Ильича:

— Ну и что же он загадал на сей раз, а?
Ленин не успел ничего сказать. Кот, что-то почуяв, вздыбил шерсть и ловко запрыгнул на часы. Принюхавшись к запахам улицы, Василий вдруг дурным голосом заорал:

— МЯЯЯРТ!!!!

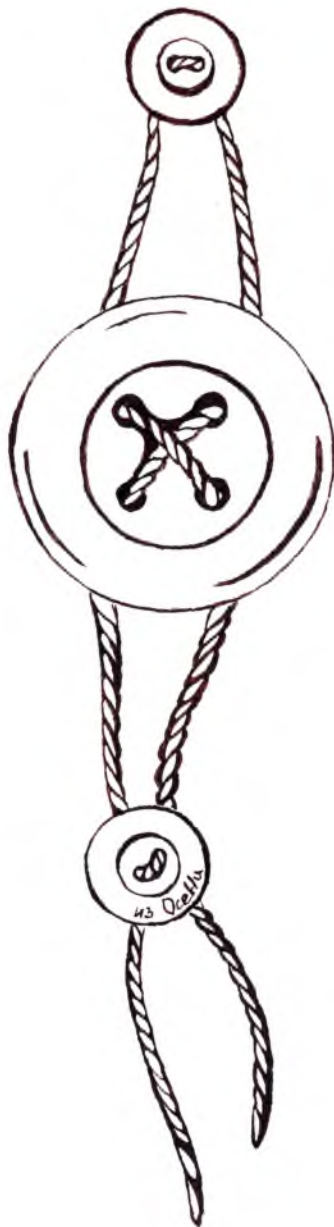
И с соседних крыш ему вторил дикий клич мартовских котов.
Так началась весна.

Февраль – Ноябрь, 2012 г

Анна Шушунова

Автор о себе.

Весь Мир оплетают незримые нити. Можете назвать это паутиной, или, например, Судьбой. Не важно. Тех, кто пытается сопротивляться, она безжалостно душит. Тех, кто следует ей, она не обязательно приведёт к счастью. Предназначение – не всегда есть счастье. Что же касается меня... как усердная рукодельница, всё пытаюсь день за днём плести из этой нити такой узор, чтоб оглянувшись на пройденный путь, я смогла улыбнуться. И сказать себе, что так или иначе, всё что сделано – не зря. Ибо у каждого Свой Путь.

Сказка о курочке малой

Шли брат Толстолоб, да брат Бездум по базару. Шли-болтали, рты разевали, по сторонам глазели. Вот кошель с деньгами у них и украли! Как денег-то спохватилися, так за головы-то и схватилися. Заплакали-зарыдали, да о горькой судьбинушке запричитали. А чего плакать да рыдать, коль утраченного не воротать? А от, рты неча было разевать! Но то, всё присказка была, а сама сказка-то, братцы, впереди.

Жила-была на птичьем дворе курочка. Птичка такая, скромная. И была эта курочка... ну вообще не такая, как все. И ладно бы, если бы дурная какая, или болела чем, а то нет! Просто странная. Не понимали её товарки на птичьем дворе, сторонились. И хозяйева не любили за то, что тощая, да мелкая - разве что на суп, а боле и толку никакого. Яиц и тех не несла. Ну вот, значит, и решили они её, того. На суп завтра поутру пустить. Услышала про то кура, да опечалилась. Ой, не хотелось ей в суп. А то ж. Кому в суп-то охота? Решила она тогда бежать. А как бежать? Не знает про то, не ведает. Настала ночь, согнали всю домашнюю птицу в курятник, да и заперли. Стала птаха сперва в тоске по курятнику метаться, потом с насеста на насест перелетать, как умела. Понятно, что куры – птицы нелетучие, плоховато у неё это выходило. Соседки-наседки, опять же, квохтали и сердились, что спать не даёт. В отчаянии замахала она крыльями изо всех сил, захлопала и сама не заметила, как на стропила под крышу залетела, а там и в окошко слуховое выпорхнула. Потом и за оградой очутилась да и прочь-прочь от неласкового дома то лётком, то бегом, то перескоком направилась. Куда – о том и сама не ведала.

Бежит, летит курица, дурная птица – голову свою спасает. А вокруг ночь, да лес – темно, страшно. Глядь, впереди огонёк

колышется. Долго думала, стоит ли ей на огонь тот выходить, а вдруг там гибель её дожидается? Наконец решилась. Чему бывать – того не миновать, а в тёмном лесу умереть в зубах дикого зверья шансов не меньше. Собрала она всю свою куриную храбрость, покрепче в клюв зажала, да вышла к костру. Глядит – а у костра паренёк сидит. Грязный, худой да оборванный. Сразу видать – бродяжка. Увидел он курочку, улыбнулся, да к себе её и подзывает:

— Иди, – говорит, – ко мне курочка-голубушка, не обижу. – Осмелела она, кудахтнула, да к пареньку и подошла.

– Откуда ж ты взялась-то тут, милая? Какая ж ты крошечка! Пряма, как голубка малая. Так и буду тебя звать – Голубушка. Изволь, Голубушка, не откажи в милости, да угостись, чем бог послал.

Открыл странник свою суму и достал из неё ломоть чёрствого чёрного хлеба, разломил пополам, – последним куском хлеба с курочкой поделился. Увидела та, что парень хороший, да сердце у него доброе, осмелела, приняла угощение, поклонилась в знак благодарности до земли и на ночлег подле бродяжки устроилась. С тех пор и путешествовали они вдвоём, ели вместе, спали рядышком. Курочка на плечо к пареньку садилась, когда бежать за ним уставала. Милостыню в городах вместе просили, народ забавляли. Не единожды паренёк курочку нашу от бродячих собак да дикого зверья спасал. Так они сжились славно, так друг другу полюбились, что и минуты друг без друга представить не могли.

— Люблю тебя, душа моя, жизни без тебя не представляю, хоть в суп меня брось, не жаль мне будет жизнь за тебя отдать! – говорила страннику Голубушка. Только ему всё одно, «ко-ко-ко» слышалось. Чесал он её по мягким пёрышкам, жмурилась курочка от блаженства, да замолкала.

А однажды ночью снесла курочка яйцо. В первый раз снесла за жизнь свою недлинную. Яичко было совсем крошечное,

всего-то с голубиное. Парень бы и не заметил того, если бы курочка его взволнованным квохтанием не разбудила. Поднял паренёк с земли яйцо, покрутил в руках, посмотрел на него при сиянии лунном, да так и обмер. Металлом желтым блестело то яичко, золотом искрилось в лунном луче, тяжело было непомерно. Растерялся бродяжка, прям так и обмер и дышать забыл.

— Ай, да Голубушка, ай удружила родная...

Отправились они на следующий день в ближайший город, продал паренёк яйцо ювелиру местному. Тот подивился диковинке, но цену честную дал. Накупил наш парень круп разных, хлеба свежего для голубушки своей ненаглядной, прикупил одёжки красивой, комнату с чистой постелью в таверне снял. То-то радости было, не на земле голой ночь ночевать!

Так и повелось у него в жизни – богатство нежданное-нежданное сыпаться на голову стало. Что ни ночь, так сносит ему Голубушка золотое яичко. Перебрался парень в столицу, обзавёлся добрым домом, купеческую дочку в жены взял, живёт – не нарадуется. А для голубушки своей построил на заднем дворе комнатку-клетушечку, решетками окна зарыл, у дверей псов да сторожей суровых поставил, на сорок сороков замков запер. Боялся богатства своего лишиться. Уж слух-то пополз по городу о сказочной райской птице, что юный богач у себя держит. Сперва, бывший странник, а ныне молодой богач каждый день к своей доброй подруге заходил, сам зерно ей сыпал лучшее, сам воду колодезную наливал, по пёрышкам гладил, слова ласковые говорил. И голубушка всё так же отвечала:

– Люблю тебя. Люблю. – А ему только кудахтанье и слышалось. Но вот, всё реже стал ходить к подруженьке своей верной молодой богач, красивой женой, да жизнью богатой отвлёкся, забыл про Голубушку свою, только-то и распорядился, специ-

альную служку поставить, чтоб та чародейные яички каждое утро забирала.

Затосковала курочка, поняла, что друг, её, курочку малую, на богатство выменял, да поделаться-то что могла? Решетки на окнах толстые, запоры крепкие, слуги зоркие – не сбежать, как прежде. Плакала день и ночь курочка, а на третью ночь так и вспыхнули её слёзы горячие ярким пламенем, зарделись пёрышки огненным заревом, загорелся курятник, рухнул потолок. Выпорхнула огненная чудо-птица, да полетела высоко-высоко, на небо, выше облаков, выше звёзд, да и сама созвездием стала – люди то созвездие Фениксом зовут и не знают, что-то не феникс вовсе, а курочка простая.

Паренёк же, предавший дружбу ради денег, не погиб в огне, хоть богатство его и сгорело подчистую. Остался он, в чём из дому выскочил – бос да чумаз. Жена от него, безденежного, ушла. Да стражей ещё припугнула, ежели у батюшки на пороге появиться посмеет. Так и пошел он по дорогам бродить, как прежде, бродягой. И всю жизнь, оставшуюся не о богатстве, не о вероломстве жены-красавицы сокрушался, а о том, что единственного верного друга по собственной глупости да жадности потерял.

Так и умер он одиноким бродягой, али судьбу свою устроил счастливо, о том мне не ведомо, а ведомо только то, что любовь чистая да искренняя, она самую простую вещь в золото способна обратить. Только любовь ту сберечь уметь надо. Сказка – ложь, да в ней намёк... ну, вы и сами, чай, не маленькие – знаете.

Времена года

Вот она. Девочка. Посмотри на неё внимательней. Ноги скрестила, пальцы то заламывает, то крутит в них что-то, такая скромная, тихая, почти незаметная. Ресницы короткие, веки

чуть прикрыты, глаза за ними в пол опущены, синие-синие. Взгляд пронзающий. Чистый сочится, хрустальный, что твой родник, через песок и гальку отфильтрованный. Первой она слова не скажет, шага в сторону твою не сделает. Прикоснуться не посмеет, сам тронешь - отпрянет. Волосы светлые, глаза светлые, улыбка такая яркая, что ослепнуть, а смотреть всё равно хочется. Скромная, милая, тихая. Тем и манит. Сделай первый шаг. Взяв за руку, улыбнувшись, заговори с ней. Но в словах будь осторожен, как охотник, что к пугливой жертве крадётся. Она поднимет взгляд на тебя, распахнёт глаза, такие, что не понять, то ли взлетаешь в синь небес, то ли тонешь во взгляде, как в омуте. Поцелуй её. Остальное случится само. Вихрем сумасшедшим оторвёт тебя от земли, постылой реальности, привычного мира, унесёт и закружит. Рассыплется бисером мурашки по телу, сорвётся дыхание в галоп, пробежит дрожь волной ураганной по тебе, от души до тела и обратно, разберёт по атому и сложит заново, вымытого, вычищенного, как стёклышко прозрачного, нового. Станешь горшком золота на том конце радуги, искристым инеем на ветвях, сияющим алмазом в пустой породе. Запахом грозы и ледяным жаром тебя умоет. Из света в свет переплывишься, пролившись из тигля расплавленным ужасом и восторгом в новую, лучшую форму.

А потом она посмотрит прямо в тебя. В самую сердцевину, в самую душу твою, ещё не остывшую, секунду назад железом кипевшую. И ничего не скажет, не нужны слова. Да и нет их. В целом мире ни единого слова не осталось, ничего, что бы ещё иметь значение. Оттого, что ещё меж пальцев искры трещат, в волосах перья запутались. А может, иней это, или клочки облаков. По телу волны в девять баллов ещё не улеглись. Молчи. Закрой глаза.

Не смотри на неё сейчас. Смири дыхание, окупись в запахи, её ароматы – мята и камфара, озон и морская соль. Ты не

смотришь на неё, но перед глазами образ, чёткий, ясный, будто вырезанный на той стороне век. Глаза родниковые, волосы русые, на руках царапины. А на душе рубцы, теперь ты видишь их. Она никогда не забывает. Никогда. Все, что было и будет, вся боль, все печали её, всегда с ней. Отпечатывает на бумагу, отпрессовывает, пересыпает песком свежие чернила, чтоб быстрее просохли, и под стеклом хранит собственные мысли. Так, чтоб пылью засыпало, солнцем выбелило, временем затянуло. Чтоб ни строчки не читалось. Не для того память, чтоб ворошить её. Не угли. И без того не гаснут эти бумажные шрамы. Светятся, расплавленным металлом, так и норовят оставить свежий, кровотокающий след – лишь коснись. В каждой строчке знание, доподлинное знание того, что самая яркая. Именно она. Что лучше, честнее, желаннее, а от того опасней – не бывает. К таким не возвращаются. Никогда. Слишком много в них и льда, и волн морских, и ветра, и молний, солнца и золота. Слишком.

Обнимет тебя девочка. Прижмётся всем телом, доверчиво, будто бы в надежде, в мольбе о защите, то ли от тебя самого, то ли от мира. Пальцы холодные, волосы по плечам разбежались, запутались. Трогательная, робкая, хрупкая. Вся она тебе откроется, как книга, как бутон, как истина. Как ребёнок, доверится. И в эту секунду ты почувствуешь всё: о чём она молчит, что чувствует, чем дышит, чего жаждет и чего боится. Сам всем этим станешь. Задохнёшься её отчаянием и надеждой. И тебе захочется заживить каждую царапину, разгладить каждый рубец, закрыв амбразуру своей грудью. Вынуть, вырвать и вычистить всю ту пыль и боль, что принесли приливы времени, все, что случилось до тебя.

Ты поцелуешь её и уйдёшь. К таким не возвращаются. Никогда.

Вот она. Девушка. Смотри на неё, смотри! Смоляные волосы, смуглая кожа, глаза блестят непокорностью, страстью.

Чёрный дым, кобыла не объезженная, красный перец и хмель. Встретит твой взгляд, обожжёт улыбкой. Смотри, не отводи глаз, если сможешь, если хватит силы. Она подойдёт первой, опалит дыханием. А в нём – сандал и дым, мирра, мускат и горькие травы. Вся она – борьба, вихрь, смерч, испытание. Обовьёт тебя руками, вонзит ногти, вопьётся в душу твою остриём страсти. Волосы – вороново крыло, голос – чуть хриплый, сладкий, будто розовая вода. Восточной сладостью губы, бархатной тьмой кожа. Она вынет из тебя сердце, обернёт в шелка, спрячет в самом укромном углу своей темницы. А ты будешь стенать, выть и орать от боли. Проклинать небо за счастье, тебе дарованное. Каждое прикосновение пальцев – ожёг. Каждый поцелуй – лёгкое касание дамасского клинка к твоей коже. Неистовая, безумная, нежная. Из её волос рассыпаются по полу лепестки роз, тело источает сладостный аромат мёда. Вся она – как восточный узор на твоей коже. Точно змея, опутает тело и душу так, что ты не в силах будешь и дышать без её разрешения. С такими женщинами не остаются...

Дождись томного рассвета. Луч солнца тебя разбудит. Беги! Душа в плену? Не страшно! Мужчины, что ящерицы хвост, умеют отбросить старое сердце и отрастить новое. Рви кокон, что оплетает твои руки, шелковые нити паутины, сладкой, вязкой, опасной. Пусть воеет раненной волчицей женщина жаркого востока. Пусть колотит дорогие кувшины на мелкие черепки, разливает по полу драгоценные масла. Пусть бьётся точно пламя в горне. Злится, бушует, полыхает. Беги, будто лесной пожар за тобой гонится, дикое войско на роняющих пену конях. Неистовая, яростная волна пламени и гнева. Шипит, воеет, оставляет за собой выжженную пустыню. Уноси ноги, пока не поздно! Она проклинает тебя в след, зовёт, молит и тут же обещает четвертовать, разорвать

конями, натравить бешеных собак! С такими не остаются. Беги, не слушай!..

...слушай! Что это, смех? Чьи это шаги? То ли женский силуэт промелькнул во тьме, то ли просто кошка пробежала... Может, бесплотная тень? Или журчащая вода? Просто ветер, заплывавший в траве? Вот, была вроде, сомкнул ладони – и нет уже. А вот и снова показалась в полумраке. Одарила взглядом, точно драгоценным камнем. Глаза цвета самой сочной травы, цвета изумрудов, цвета ряски, что прячет под собой смертоносную трясиину. Волосы, цвета закатного солнца, цвета царских металлов, цвета палой листвы, цвета раскалённых углей. Руки её пахнут молоком, а волосы скошенным клевером. Она лишь слегка обожжет тебя прикосновением. На мгновение ослепит не улыбкой даже, намёком на улыбку. Заглушит все звуки мира чуть слышным смехом. Она дурманит. Она притягивает. Ею хочется обладать больше всего на свете. Нет. Такую женщину не удержать...

Собьёшься с ног, пытаешься отыскать её в бесконечном лабиринте городских улиц, будешь то и дело улавливать отзвук смеха, но снова и снова обманываться. Она станет твоей одержимостью, манией, твоей целью. Будто блуждающий огонёк на болоте. Словно дитя волшебного народа, сказочная эльфийка, что увлекает и дурачит незадачливого путника, заставляя годами бродить по кругу, блуждать среди туманных холмов, искать и звать её. Безуспешно. Она лишь усмехнётся в последний раз и растворится среди ночных улиц, оставив тебя опустошённым, на грани безумия. Нет, такую не удержать.

Садись. Пока она хлопчет по дому, ты можешь отдохнуть. Полюбуйся ею: руки в муке, волосы собраны в аккуратную шишку на затылке, лишь одна тёмная прядь выбилась у виска, на груди фартук с вышитой на большом кармане вишенкой.

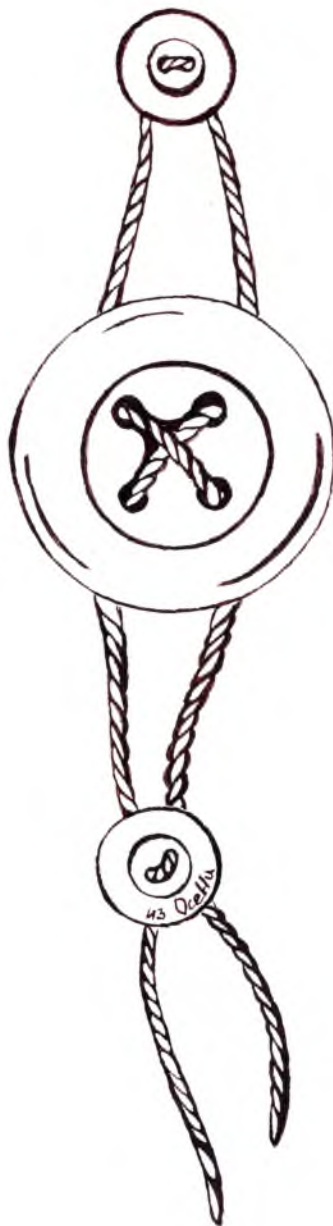
Вокруг этой женщины всегда витают запахи свежей выпечки, лаврового листа, жаренного мяса и тушеных овощей. На плите что-то шкварчит, золотится в кипящем масле. Женщина подаёт тебе кружку горячего чая. Красива ли она? Это не важно. Она терпелива и покорна и дарит тебе уют и покой. В твоей жизни есть стабильность. Когда-то, уставший и измученный и растерянный ты встретил её, и она, молча, пошла рядом. Теперь у вас общий дом, общие дети и общие вечера. Один телевизор и одна кухня. Мелкий ремонт каждые два года, стабильная зарплата каждый месяц и отдых на море каждые пять лет. Ты знаешь всё, что случится завтра, послезавтра и через год. Размеренность вашей жизни сделала тебя ленивым и покладистым. Когда-то, ты не задерживался надолго на одном месте, теперь же не выходишь надолго из дома. Женщина, молча, смотрит на это и улыбается. Ещё бы. Ведь это её заслуга, её победа. Той, что заломила твои руки за спину и оплела их прочными узами, тяжкими цепями. Ты даже не заметил. Теперь тебе никогда не вырваться из её сетей. Ты во всём ей покорен и даже тогда, когда думаешь, что поступаешь по-своему. Она же опять молчит и улыбается, наблюдая. Ничего. В твоей жизни не случится больше ничего. От таких женщин не убегают.

Она стала для тебя всем. Твоя женщина, твоя жена, мать твоих детей. То же, чем стать не смогла, она уничтожила. Вырвала, словно сорняк, твою волю, растоптала гордость, а свободолюбие срезала с плеч, точно крылья и заперла в самый дальний чулан. Возненавидь себя – это не поможет. Бейся головой о стены, реви раненым медведем, пей каждый вечер до невменяемости – это не поможет. Ищи спасения в измене, попытайся хоть на миг вспомнить, что такое страсть – это не поможет. Ничего уже не изменить, слишком поздно. Она твоя женщина, твоя жена и твой последний вздох. Она – твоя кара и твоя смерть. От таких женщин не убегают.

Екатерина Егорова

Об авторе:

Екатерина – студентка первого курса филологического факультета ТюмГУ. Ее привлекают мистические и фантастические темы, область непознанного и таинственного.

Конец света в четырех стенах

Вечером 20 декабря 2012 года наступил конец света. Это случилось немного раньше положенного срока, но на то он и конец света, чтобы прийти неожиданно, застав человечество врасплох. В тот самый момент, когда вы перетаскиваете последние запасы в свой бункер, на лестнице внезапно взрывается лампочка, из-за чего одна из банок тушенки падает вам на ногу. Такое уж это дело, без жертв не обойтись.

Все знают, если вы не успели добраться до безопасного места, шансы выжить весьма невысоки, однако, подсчитав примерное число людей на планете и сравнив с количеством безопасных мест, можно прийти к весьма неутешительным выводам. Единственным выходом остается только рыть бомбоубежище у себя во дворе.

Четверо кандидатов на неминуемую гибель сидели в комнате, что находилась в двухэтажном домике, что находился далеко за городом в окружении похожих строений, и смотрели друг на друга. Точнее смотрели бы, не будь в комнате так темно.

— А я говорил, что это произойдет! - Раздался не в меру радостный голос. Судя по характерному скрипу, говоривший расположился в старом кресле-качалке. - Солнце погаснет, интернет исчезнет и люди начнут сходить с ума от темноты и галлюцинаций!

— Не носи чушь, мы за городом, тут часто такое случается. Просто опять электричество сбоит, нужно проверить...

— Подвал?! - Третий голос был полон ужаса, удивительно с какой непередаваемой интонацией можно произнести одно простое слово. - А ты в курсе, что бывает, когда спускаешься в подвал вечером, один в темноте, да еще во время Апокалипсиса?

— По-моему, в этой фразе есть что-то лишнее. Ну... даже не

знаю, появляются шансы выжить?

— Ничего подобного! Как будто не знаешь, как это бывает: молодежь тихо-мирно играет в бутылочку, а потом вдруг гаснет свет. Народ разбредается и таинственная тень с тесаком начинает преследовать одиночек.

— Когда в следующий раз мы соберемся смотреть ужастик, напомни, чтобы тебя не звали. А то мне не нравится твой восторг по поводу подвалов и тесаков.

— А что, разве это плохой сюжет? Остальные потом находят тело и пытаются вычислить убийцу.

— Хуже не придумаешь, потому что убийцей обычно оказывается самый молчаливый.

Трое друзей настороженно посмотрели туда, где, как они предполагали, сидел четвертый. Он зловеще молчал, только изредка из темноты доносился странный хруст. Пока второй голос, он же хозяин дачи, спорил с любителем ужастиков о штампах в кино и каким должен быть персонаж, чтобы дожить до конца фильма, сидящий в кресле-качалке все также радостно припоминал подробности истории, что прочитал вчера в Интернете. Причем припоминал вслух, не ленясь повторяться, если ему казалось, что остальные что-то недопняли или недослышали.

— Сейчас, как же там было... не исключено появление призрачных гуманоидных фигур и слуховых галлюцинаций. В первые дни крайне не рекомендуется смотреть в окна и выходить из дома. Не покидайте свой дом, что бы вы ни услышали! Особенно, если это голоса друзей и родственников, потому что они скорее всего уже мертвы. Там еще много было, но дальше я плохо помню.

Обсуждать фильмы ужасов как-то резко расхотелось. В наступившей тишине стало слышно, как на кухне капает вода из сломанного крана. Что ж, по крайней мере у них будет вода...

— Ну и чего ты ждешь? - наконец зазвучал четвертый голос. Женский и ехидный. - Кто у нас тут в подвал собрался?

— Нет, нет, это сейчас лишнее. Если я пойду сейчас, то точно грохнусь с лестницы и что-нибудь себе сломаю. Может лучше поищите свечи?

— Только трус пошлет своих дорогих гостей искать свечи в полной темноте во время Апокалипсиса! - Заявил обладатель чертовски жизнерадостных интонаций.

— Дорогих гостей? Тебя я между прочим не приглашал.

— Блин, хватит спорить о ерунде. Не понимаю кого эти глупые истории могут напугать? В конце концов, у всех же есть телефоны, так что смерть от удара о косяк нам не грозит, - сказала девушка.

— Не прокатит. Я ведь уже говорил, что из-за магнитных аномалий любые электронные приборы не работают. Вы что не слушали?

— Ты опять придумываешь правила и пытаешься всех убедить, что они существуют!

— Тогда проверь.

— Тут слишком темно.

— Я про телефон вообще-то.

Никто не сдвинулся с места. Не стал рыться в карманах, искать куртку или пытаться вслепую нашарить телефон на столе. Никому не хотелось обнаружить, что он прав и мобильники действительно не работают, ведь это означало бы, что конец света и вправду наступил. Конечно же, это маловероятно, но пока никто не получил неопровержимое доказательство близкой гибели планеты, все было в порядке.

— И все равно ты выиграл нечестно, - пробурчал себе под нос хозяин дома.

— Еще чего! Я собственноручно завалил Плутониевого дракона! Это величайший день в моей жизни!

— Протестую. Ты все время таскал сокровища, пока никто не

видел. Я внимательно за тобой следила.

— Я же с тобой делился! Признай, что просто не любишь проигрывать. Так или иначе, мы не можем продолжать партию в темноте, а следовательно и пересмотреть ее результаты тоже.

Кажется его самодовольную ухмылку можно было даже услышать. И, надо сказать, звук был весьма мерзкий. Но радовался новоявленный манчкин недолго.

— Ты умрешь первым, - пообещала девушка. Кресло-качалка испуганно скрипнуло.

— Ань, побереги силы, - сказал тот, кто сидел рядом с ней на диване, - они нам еще понадобятся, когда мы будем отбиваться от толп зомби. Кстати, неплохо было бы забаррикадировать двери и окна.

Но для того, чтобы это сделать, нужно было встать с дивана, хозяйского пуфа-трона или старого кресла-качалки, где по вечерам любит посидеть призрак деда (тот, кто сидит в нем сейчас, конечно же, ничего об этом не знает) и пойти двигать мебель. А если совсем серьезно, в подвале были доски, оставшиеся от строительства сарая в прошлом году, там же должны найтись и инструменты. Поэтому всеобщим голосованием было принято решение оставаться на месте. Ведь вирусу, который превращает людей в зомби нужно время.

А что делать здесь и сейчас? Аня решила высказаться первой:

— В таком случае, почему бы нам не обсудить по-настоящему важный вопрос? Если конец света наступил, то чего нам следует ждать? В отличие от вас, парни, я не собираю слухи и не провожу столько времени в интернете. Почему бы нам не систематизировать все имеющиеся у нас данные, чтобы воссоздать общую картину? К сожалению, по данной теме я ничего не знаю.

— Ага, а у самой дома консервный склад. - Печально прошептал любитель порассуждать о маньяках с тесаками.

— Я не хочу об этом говорить.

Тон девушки явственно намекал на некую травму, которая возможно была вызвана неумением ее матери готовить или любовью прочих членов семьи к мерзкому месиву из жестянок, которое по недоразумению называли мясом или рыбой.

— Можно мне сказать? - Хозяин дачи хотел отвлечь подругу от мрачных воспоминаний - Даня абсолютно прав. Эта темнота не просто так. Люди не привыкли жить в таких условиях. Когда человечество ослабнет настолько, что не сможет сопротивляться, пришельцы выйдут из тени и возмут нас тепленькими.

— сась, не гони, не было такого! Нечего переживать мою историю! Все закончится массовыми психозами и наступлением нового ледникового периода. А пришельцы могут быть только в идиотских фильмах!

— Неа, жизнь тем и отличается от кино, что в фильмах все хорошо заканчивается.

— Ну что за пессимизм! Запомни, даже если на дворе Апокалипсис, твой стакан всегда будет наполовину полным!

— И это ты мне говоришь об оптимизме? Ты что-то больно радостный в преддверии Ледникового периода. И кстати, думай, прежде чем говорить, мой стакан пуст и разбит на куски, потому что кто-то из вас его уронил.

Любитель ужастиков, (друзья звали его Джеймсом), опустил взгляд. Он уже хотел было извиниться, но сообразил, что его реакцию в темноте никто не видел, а потому решил сидеть и помалкивать. Разумеется он не заметил, какой пронзительный взгляд бросила на него Аня.

— Все равно я не согласен на конец света без пришельцев!

— А тебя никто и не спрашивает! Если они прилетят, я попрошу вернуть деньги, потому что это худший сценарий, который можно придумать!

— Можно подумать, что твой чем-то лучше!

— Да будет вам, - рассмеялся Джеймс-любитель-ужасов, - по мне так обе теории не выдерживают критики. Допустим, Даня оказался прав в том, что наступит тьма, но я не думаю, что она продержится долго. Это только первый этап. Для нас это самое опасное время, потому что космические вспышки распространяют инопланетный вирус. Люди, подхватившие его, теряют разум и начинают бесцельно шататься по округе. Такими темпами через пару дней будет заражено больше половины оставшихся на поверхности людей. А когда солнце снова взойдет, зараженные начнут жаждать крови и охотиться на собственных сородичей, то есть нас.

— Банальщина, жуткая банальщина, - Даня пренебрежительно махнул рукой и тут же получил диванной подушкой. На этот раз Джеймс умудрился ничего не опрокинуть со стола.

— Как ни называй, это все равно останется стандартным зомбоапокалипсисом, - Саня, как ни странно, принял позицию недавнего оппонента.

Джеймс ничуть не обиделся, он действительно верил, что все именно так и случится.

Человечество уже упустило свой шанс с ядерной войной и метеоритами, и с каждой минутой оставалось все меньше вариантов развития событий. Если бы кому-нибудь пришло в голову составить список вероятных причин конца света, то половина сразу оказалась бы вычеркнута.

— Чем спорить, почему бы просто не подождать? Скоро и так все увидим, - устало произнесла Аня, которой надоело их слушать. Тем более печенье, что лежало в вазочке на столе, давно закончилось.

— Ничего ты не понимаешь! Ставлю четыре банки тушенки, что я прав!

— А они у тебя есть, а?

— Конечно, - с гордостью отозвался Даня, - я готовился к этому дню еще с... с лета.

Последняя часть фразы прозвучала не так уверенно.

— Поддерживаю ставку и добавляю банку стущенки! - Вставил Джеймс.

— Это нечестно, - проворчал хозяин дачи, - всю мою стущенку вы уже съели, дармоеды.

— Тогда сдавайся.

— Еще чего! Ставлю походный чайник и запас Доширака на три месяца!

Все остальные были поражены. Аня сочувственно вздохнула:

— Прости, мы не знали, что ты...

— Забудь! - Отрезал Саня, - я не хочу это обсуждать.

— Ну и как вы будете решать кто победил, если ждать не хотите? - Спросила девушка.

— Раз! Два! Три! У кого что?

— Ножницы, - признался Джеймс.

— Камень! - Сказал Даня.

— А я не скажу.

— Я же говорил, что тебе нужно было сразу сдаться.

— Желатиновый октаэдр, - произнесла Аня.

Троим спорщикам пришлось признать поражение.

Через несколько дней кошмара космической ночи солнце наконец вошло над умирающим миром. Казалось бы, все закончилось, но худшее ждало впереди. Многие лишились рассудка или погибли по глупости. Еще больше заразились таинственным вирусом, который при дневном свете превращал людей в машины для убийства себе подобных. Оставшиеся в живых объединялись в группировки, которые воевали друг с другом за оружие и припасы. Земля превратилась в выженную пустыню. Древняя раса с далекой звезды

спустилась на нашу планету, дабы взглянуть на дело рук своих. Вот они, настоящие кукловоды, настоящие враги. Именно они были теми, кто когда-то создал людей в качестве эксперимента. Обнаружив, что человечество становится все сложнее контролировать, они решили заявиться самолично. На землях, не затронутых катастрофой, стали возводиться странные города, людей, тех, кто не попал в рабство, загнали в подполье. Они были обречены на медленное умирание в пустыне.

— Почему это вдруг каноничная ледяная пустыня превратилась в обычную? - перебил Даня.

— Тут что-то пропущено? Я столько сюжетных дыр никогда не видел.

— Это только предисловие, - скрипнула зубами девушка - может быть, дослушаете до конца?

Их было четверо. Героев, что подняли человечество с колен. Обычных людей, что боролись за жизнь против самой судьбы...

— Один из них был проводником, знающим все и обо всех. Смело бросающийся в бой, лидер своей банды. Настоящий специалист по выживанию! - подхватил Даня.

— Да какой из тебя лидер? Я бы никогда не пошел за тобой, даже если бы выбор стоял между тобой и Аней.

— Я все слышала.

Саня на всякий случай отодвинул свой пуф подальше от стола, а следовательно от дивана и от сидящей на нем девушки.

— Тогда я буду мудрым Стратегом, умеющим найти выход из любой ситуации. Буду раздавать советы и припасы.

— Доширак в смысле? - Хохотнул Даня.

- Да ну тебя, мы тут о серьезных вещах говорим, а тебе лишь бы кого-нибудь подразнить.
- А ты что скажешь?
- Ну... - Джеймс по-видимому смутился.
- Что ну?
- Убийца зомби, - тихо произнес он, - неустрашимый воин, рубящий в капусту врагов.
- Эм, очень неплохо, - хихикнул Даня несколько нервно, - молодец, Виталий, далеко пойдешь!
- Я же просил не называть меня так!
- Ладно, спокойно. Я тоже решила, чем займусь. Просто буду собой. Постараюсь помогать другим по мере сил, как-то поддерживать...
- Мне кажется, она говорит то же самое, что и Джей, только другими словами. - прошептал Стратег.
- Полностью согласен, - отозвался Лидер.
- Ребята, я все еще очень хорошо вас слышу.
- Тебе показалось. Мы говорили о печенье. Кстати, ты случайно не знаешь, куда оно подевалось?

Но ничтожны силы человеческие. Все попытки сопротивления оказались бы тщетными, если бы не тот, кто появился словно из ниоткуда, чтобы возглавить армию людей. Своей силой и красотой он завораживал и мужчин, и женщин, и они верили каждому его слову, верили, что не только выживут, но и победят. Его называли Антихристом, и за один взгляд его зеленых глаз...

- Эй, минуточку! Я даже не спрашиваю, почему Антихрист, но с чего это он вдруг похож на твоего красавчика-соседа?!
- Это совпадение, - уверенно заявила Аня, мысленно благодаря всех известных богов, что остальные не видят ее лица, - что-то меня занесло, какой еще Антихрист?

Все вдруг почувствовали себя немного неловко. Особенно

Виталий-Джеймс.

— Уверен, что с этим хмырем ничего не случилось, - после непродолжительной паузы тихо сказал он, - такие всегда выживают.

— Эй, посмотрите!

Все сразу бросились к окну, несмотря на все запреты. На мгновение небо озарилось огнями.

— Космические вспышки!

— Балда, это просто фейерверки.

И в это мгновение свет вернулся не только в комнату, но и во весь дачный поселок. И все четверо увидели: на полу - осколки разбитого стакана и диванную подушку, на столе - крошки от печенья и разбросанные как попало карты, за окном - снег и уютные огоньки чужих окон.

— Я же гов...

— Но произноси эту фразу! - Предостерег Даня.

— Почему это?

— Потому что я не хочу чувствовать себя глупо.

— Это ничего не меняет, - фыркнула Аня - вы по-прежнему должны мне восемь банок тушенки, стущенку, походный чайник и трехмесячный запас Доширака. Впрочем, без последнего можно обойтись.

Хозяин дачи в это время убирал осколки и прожигал взглядом виновника.

— Уж извини, - пожал плечами Джеймс.

Саня только махнул рукой, мол не бери в голову. Потом подошел к выключателю и раздался звонкий щелчок. Комната вновь погрузилась во тьму.

- Так на чем мы остановились?

Воры времени

Предисловие

Тик-так, тик-так. Люди, не ценящие свое время. Люди, не ценящие собственную жизнь. Воры Времени уже идут по вашему следу. У них нет глаз, но потраченные впустую секунды привлекают их, словно хищников запах крови. У них нет рук, только стрелки, но это не мешает им забрать самое дорогое. У них нет сердец, и они... да. Они не чувствуют. Жизнь ценишь тогда, когда от нее остаются считанные дни. Тень былого на кончике острой стрелки.

Она часто видела это место во сне и была уверена в его существовании, хотя никогда не посещала его наяву. Часами она могла бродить по цехам, наполненным гулом и грохотом механизмов, петляла узкими коридорами для персонала. Она ощущала себя очень маленькой рядом с громадными, постоянно работающими механизмами. Должно быть, если попытаться что-нибудь втиснуть между чудовищных шестерней, то это в следующую секунду будет раздавлено и перемолото бездушной машиной. Сны были для девочки второй жизнью, они запоминала каждую деталь. И с нетерпением ждала ночи, чтобы вновь прогуляться по часовой фабрике. Послушать ее грохочущий голос, понаблюдать за таинственной жизнью механизмов, чтобы утром сделать еще несколько рисунков. Девочка всегда рисовала сны. Родители пророчили ей карьеру выдающегося художника.

На этой фабрике не было ни одного человека, все механизмы работали автоматически. Девочке казалось это весьма разумным. Часы должна собирать машина, здесь нечего делать людям с их слабым зрением и неаккуратными руками. Здесь, в царстве покоя и времени, девочка чувствовала себя

полноправной хозяйкой. Наверное, любой другой ребенок посчитал бы это место жутковатым, но она всегда радовалась возможности прогуляться в одиночестве. Да и странно было бы испытывать страх, если принять во внимание, что владельцем фабрики часов был ее отец. Девочка не знала, где в реальности находится его фабрика. Быть может, где-нибудь в Италии? Отец часто уезжал в Италию и всегда задерживался, зато вернувшись, выглядел счастливым.

Она, кивнув огромному станку, медленно прошла по помещению, которое на ее личной карте было помечено как «Сердечная комната», но не потому, что находилось в центре огромного комплекса. Просто, впервые попав сюда, девочка нашла большой деревянный ящик, на котором было написано, что в нем хранятся сердца. Любопытство взяло свое, однако вместо живых человеческих сердец ящик был заполнен будильниками.

Дверь в кабинет отца всегда была открыта. Комната хранила следы человеческого присутствия: едва ощутимое тепло, и не успевшее затихнуть эхо. Девочка часто развлекалась тем, что пыталась подловить папу. Резко распахивала дверь, подкрадывалась, подглядывала в замочную скважину, но отцу всегда удавалось ее перехитрить, и он ускользал раньше. В его кабинете было все, что необходимо деловому человеку: компьютер, огромное кожаное кресло, куча всяких интересных безделушек на столе, занудные книги, мини-бар, который он и не думал прятать, и фотография дочери в красивой рамочке. Раньше девочка любила забираться в кресло и рассматривать папины вещи, особенно фотографию, но сейчас ее переполняла горечь. Ведь это просто видимость, не имеющая никакого значения. Если бы он действительно любил ее, то наверняка общался бы с ней, а не с ее фотографией.

Да, девочка любила свои сны. Но были и другие видения,

более фантастичные, позволяющие понять, что она действительно спит, а не грезит наяву. Ведь сны не имеют никакой связи с реальностью. Она повторяла эту фразу настолько часто, что сама почти поверила.

Однажды, во сне про фабрику, компьютер в кабинете отца включился сам собой и открыл в интернете последний выпуск новостей. Там говорилось об убийствах, о шоу-бизнесе и о том, как огромный пожар чуть не уничтожил маленькую европейскую страну. Через месяц этот сюжет показали по телевидению. И тогда девочка поняла, что в ее уютную вторую жизнь просачиваются мрачные видения будущего. Они пугали ее. Но человек, для кого сны лучше реальной жизни, не сможет расстаться с ними.

Шло время. Она открывала новые комнаты бесконечной фабрики, и блуждала в лабиринтах собственного сознания, а между тем видения становились все навязчивее и страшнее. Города за окнами обращались в прах. Немой фильм-катастрофа. Или все люди в один миг просто исчезали. Сценарий менялся, но все заканчивалось одинаково. Предметы, которые она находила на фабрике, так или иначе были связаны с будущим.

Длинный ряд серых высоких сапог в тускло освещенном коридоре, можно было подумать, что вдоль стен выстроились солдаты еще не начавшейся войны. Девочка, между тем, ни разу не видела, что на фабрике создаются именно часы.

После очередного сна, в котором наконец открылась дорога к настоящему Сердцу Фабрики, девочка чувствовала себя разбитой. Она не думала о том, что будет, когда она поймет это странное место до конца, а на карте не останется белых пятен. Проснувшись, она потянулась к блокноту, который всегда был на прикроватной тумбочке. В ушах все еще звучало методичное тиканье огромных часов – пульс ее

снов. В реальном мире ни одни часы не могли издать такой звук. Она избавилась от всех часов в комнате, когда впервые ночные путешествия наполнил этот страшный звук.

Критически посмотрев на рисунок, изображающий электронное табло с четырьмя цифрами, девушка решила, что эта форма весьма нетипична для судьбы. Для обратного отсчета куда лучше подошли бы песочные часы.

Комната, пыльная, набитая хламом, отражала всю ее жизнь. Тетради со стихами об одиночестве и смерти, плакаты на стенах, повешенные непонятно когда и зачем, брошенные в беспорядке книги, ряды мягких игрушек и сотни различных бестолковых мелочей.

Она действительно в свои восемнадцать чувствовала себя маленькой девочкой, запертой в большом доме. Вроде бы в загородном особняке места много, - "Вот это хоромы!" завистливо вздыхали соседи - но стены нестерпимо давили. Год за годом все сильнее. Да еще и эти ужасные часы с изображением летящей птицы, эмблемой папиной компании, были повсюду! Девушка завидовала этой птице, летящий над морским простором. Она давно просила избавиться от часов, но отец ограничился звукоизоляцией в ее комнате.

Комната была полна рисунков. Они висели на стенах, валялись на полу, хранились в ящиках стола. Мир, изображенный на них, был более настоящим, чем тот, который она видела наяву.

С детства слабая здоровьем, она редко покидала дом, да и то только с сопровождением. Лишенная живого общения и всех мелочей, которые обычные люди даже не замечают, она пыталась чем-нибудь занять себя. Убить время. И сейчас она могла гордо именовать себя убийцей со стажем. В ход шло все: телевидение, книги, вязание, учеба, но все бесполезно. В конце концов хрупкая, но улыбчивая девочка стала думать о вещах, вовсе не положенных ее возрасту. Единственное, что

привлекало ее - это сны, но и они теперь пугали. Неужели спальня всегда была настолько темной? Она подошла к окну, сквозь занавески пробивался тонкий луч света. Девушка, не колеблясь, отдернула штору. И замерла, ослепленная. На улице шел снег. Он покрывал пушистым одеялом все вокруг и казался мягким-мягким. Задыхаясь от восторга, девушка распахнула окно и вдохнула холодный воздух. Ей не разрешалось этого делать, но в конце- концов, она ведь уже взрослая. Девушка зачерпнула горсть снега с подоконника. Из мягкого он сразу же превратился в текучий, и обжигающе-холодный. Она засмеялась. Зима всегда была ее любимым временем года. Но тут во дворе послышались скрипучие шаги, и окно пришлось резко захлопнуть. Нельзя, чтобы кто-то увидел, как она тут дышит "простудным воздухом"!

Да, ей хотелось замотать шею теплым шарфом, и выйти в снегопад. Ловить языком снежинки, или играть в снежки. Вот только ей никогда этого не позволят. После того случая десять лет назад, когда после веселого катания с горки ей пришлось три месяца пролежать с температурой. Отец сказал, что тогда она чуть не умерла, и при этом в глазах его были страх и облегчение.

Какая ирония! Получать дорогие подарки, капризначать и просить еще более дорогие вещи, более современные развлечения, и не иметь возможности просто выйти на улицу, когда хочется. Девушка в порыве гнева смяла и выбросила в корзину несколько своих рисунков, а потом упала на кровать, раздумывая об этой вспышке.

«В чем дело? Моя жизнь всегда была такой. Неужели что-то изменилось?». И сама себе ответила. Да, теперь все по-другому!

Как никогда сильно ощущение, что эта зима может оказаться последней. Когда, наконец, главная тайна уже была готова

раскрыться, в чашу терпения упала последняя капля. Последняя слеза горечи, обиды и одиночества. А может быть... Она подошла к своему компьютеру. Тот радостно подмигнул зеленым глазом и сообщил о новом письме. Она познакомилась с парнем два месяца назад, когда девушка выпросила прогулку по магазинам. Они обменялись адресами электронной почты. Говорили обо всем на свете. И сейчас она вспомнила, что никогда не спрашивала о том, любит ли он снег.

Мэриэн: Привет!

Алекс: О, привет. Чем занимаешься?

Мэриэн: Как обычно, умираю со скуки)

Алекс: Ну... ты ведь уже прочитала те книги, что я тебе советовал?

Мэриэн: Неа. У меня полно других заморочек. Леш... а тебе нравится снег?

Алекс: В городе сейчас нет снега. Только мокрая грязь везде. Так что нет, не люблю.

Мэриэн: Жаль. Обратный отсчет уже пошел, мы больше можем не увидеть его. Но с этим уже ничего не поделаешь.

Алекс: Боже. Неужели ты не можешь просто говорить обо всякой ерунде, как обычная девчонка... Это все богатая фантазия, меньше смотри телевизор.

Мэриэн: Но я не смотрю телевизор.

Алекс: Не придирайся к словам, ты поняла, что я имею в виду. Ты часто рассказываешь довольно странные вещи, но я не думаю, что сама в них веришь.

Мэриэн: Я бы не стала рассказывать, если бы не верила!

Алекс: Ладно, ладно не злись)

Мэриэн: ...

Мэриэн: Я не злюсь.

Мэриэн: Мне страшно.

Мэриэн: Я боюсь, что все может закончиться так бессмысленно.

Алекс: Не бойся, я же с тобой. И не забивай себе голову бессмыслицей. Ерунда все эти рассказы про конец света, и все такое, просто думай о хорошем.

Алекс: Ладно, спишемся еще. Мне пора бежать!

Вот так. Практически все разговоры получались короткими. А все потому, что ее единственный друг был слишком занят, чтобы постоянно быть онлайн. И надо ли говорить, что разговор ее не успокоил?

Девушка долго ходила кругами по своей комнате, но тут ее взгляд упал на рюкзак, купленный еще прошлой весной из-за красивого цвета. Если постараться, в него поместится довольно много вещей.

Он работал сколько себя помнил. Точнее, он не помнил, когда в последний раз спал больше пяти часов в сутки или развлекался. «Человек должен приносить пользу обществу» - вдалбливали им в школе. «Ты должен достичь успеха, поэтому никогда не останавливайся» - говорили родители. Поэтому, он не отсанавливался. Даже когда их не стало, и он оказался один на один с огромным и чужим городом.

С каких это пор просто выжить в нем стало приоритетной целью? Как это произошло?

Учеба, работа, еще раз работа, помощь в организации благотворительных мероприятий, и снова работа. Репутация человека, к которому всегда можно обратиться. Быть может, кому-то покажется верхом мечтаний помогать другим, при этом едва сводя концы с концами. Вот только... сам парень свою жизнь тихо ненавидел. Нельзя было сказать, что такой образ жизни был продиктован жестокой необходимостью. Человек всегда выбирает из множества путей. Он верил в реальный мир, в реальных людей вокруг, окончательно

запутавшись в нитях, что всех связывают, но продолжая движение. Даже когда не видел, что там впереди.

Быть может, он мог стать героем романа, или, на худой конец, комикса о типе в трико, такие всегда пользовались популярностью.

Жизнь проносилась мимо с такой огромной скоростью, что вскоре превратилась в размытое пятно. Нет. Он сам обгонял жизнь на взятом в кредит мопеде. Зачем?

Парень не смог бы ответить на этот вопрос.

На самом деле, если говорить совсем уж честно, он даже немного завидовал таким людям, как его новая подруга по переписке. Жалел ее, но завидовал. Сам, своими руками, отправляя время в небытие.

Парень был из тех, кто твердо стоит ногами на земле. Он не верил в болтовню о всякой сверхъестественной чепухе, поскольку у него просто не было времени на такую глупую вещь, как вера. До недавнего момента.

Быть курьером в ресторанчике быстрого питания не трудно. Нужно всего лишь вовремя доставлять заказы, уметь лавировать по заполненным улицам и следить, чтобы многослойное булочно-мясное чудовище под десятком разных соусов не остыло. В тот раз все было, как и всегда. Поздний вечер, шум, свет сотен фар, и город, безразлично наблюдающий за своими детьми. Тот вечер парень запомнил во всех подробностях.

Не работающий лифт и тусклое освещение лестничной клетки, лишь глазок соседской двери горел, как кошачий глаз в полумраке. Затем стук в дверь (звонок тоже оказался нерабочим) и тишина. После пяти минут бесполезного ожидания, парень решил совершить одну из главных, как он потом считал, ошибок в своей жизни. Дверь была прикрыта, но не заперта. Антикварные часы в прихожей привлекли внимание

своим несоответствием интерьеру, они остановились в 10.20. Однако давящая ватная тишина была заполнена оглушительным тиканьем. Этот странный и какой-то неправильный звук неслабо бил по нервам, отчего голова сразу начала болеть. Сам хозяин квартиры лежал на полу в гостиной лицом вниз. А над ним стояло самое странное существо, которое только доводилось видеть.

Выглядящее вполне человекообразно, чудовище явно человеком не являлось. Оно было слишком... серым. И безглазым. И, как понял курьер, ритмичный механический звук исходил именно от него. Тогда впервые в жизни парень понял, что не может пошевелиться, его сковал ужас. А существо застыло, «вглядываясь» в его лицо. Ну, то есть, казалось, что оно вглядывается, после чего резко метнулось к окну и исчезло.

Хозяин квартиры оказался жив, его увезли на скорой. Сорокалетний, разведенный толстяк полностью оправился уже к утру. А через месяц скончался от сердечного приступа. Врачи говорили, что виной всему малоподвижный образ жизни и неправильное питание. Но курьер, ставший невольным свидетелем, был склонен с ними не согласиться.

Алекс: Я верю тебе. Слышишь? Я тебе верю! Я видел его! Я тоже его видел! Так спокойно, этому должно быть рациональное объяснение, пожалуйста скажи что это всего лишь глюки. Я просто заработался, мне нужно отдохнуть, верно?

Алекс: Ведь если Вору реальны, то все остальное тоже может оказаться правдой...

Сначала он хотел забыть о случившемся, как о страшном сне. Как всегда уйти с головой в работу или в решение чужих проблем, с одной лишь целью: забыть о собственной боли. И отдать свое время без остатка.

Та, что забирает все время себе и уничтожает его. Топит

камин жарким летним днем.

Тот, что ни секунды не оставляет для себя. И боится остаться наедине с самим собой.

Забавно.

При кажущемся различии итог для них будет одинаковым.

Алекс: Слушай, я не собираюсь сидеть сложа руки и ждать, когда жажнет. Не знаю, что должно произойти, но явно ничего хорошего. Ты сказала, что таких чудовищ много?

Мэриэн: Я этого не говорила. Я не знаю.

Алекс: Но мы ведь обязаны что-то сделать!

Мэриэн: Чтобы защитить других?

Алекс: Чтобы защитить себя!

Алекс: Для начала расскажи о своих снах и... своем отце.

Мэриэн: Я хочу тебя увидеть. Давай встретимся.

Алекс: Встретимся? А разве ты не?..

Мэриэн: Я давно уже все решила.

Он сорвал волонтерский плакат со стены и решил, что на работу сегодня не выйдет. К черту! Пора побыть безалаберным эгоистом, это больше соответствует его возрасту. Когда-нибудь надо начинать жить для себя. И делать, что хочешь.

При кажущемся различии, внутренне они одинаковы.

Разумеется, они будут говорить об опасности, о судьбе мира и нести возвышенно-сверхъестественную чушь. И конечно же, найдут способ решения, а по-другому и быть не может. Потому что она решила дорожить своим оставшимся временем, а он решил вернуть свое время себе.

А это значит, что Воры теперь бессильны, и обратный отсчет еще можно остановить.

Тик-так, тик-так... время человечества подходит к концу, а двое безответственных молодых людей спешат увидеть друг

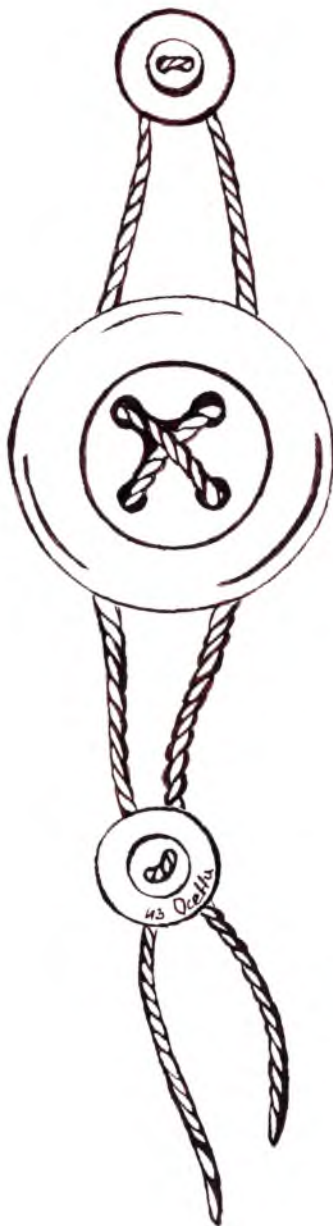
друга. Идет снег. Гигантские призрачные стрелки отмеряют оставшиеся годы. Компания с эмблемой в виде летящей птицы продолжает хранить величайшую тайну, на фабрике собирают безглазых чудовищ с будильниками вместо сердца. Игра продолжается.

Но им, кажется... все равно? Они просто смотрят друг на друга, и улыбаются. Словно дети, они верят, что самое сложное - это сделать первый шаг, оборвать цепи. А дальше и спасение мира ерунда. И они правы.

Юлия Евстигнеева

Об Авторе

В детстве я мечтала стать морской разбойницей, позднее – художницей, хотя совершенно не умею рисовать, потом – учительницей... Но когда в девятом классе вынесла на суд одноклассников свое стихотворение, все сказали, что мое призвание в литературе.

Ёжка – лесной житель

Ёжка — лесной житель. И, как всякий лесной житель, любил свой дом. Особенно хорошо было летом, когда все вокруг было зеленым. А осенью Ёжка любил валяться на сухих жёлтых, красных и бурых листьях, заматываясь в большой жёлто-красно-бурый комок.

Когда Ёжка был совсем ежонком, мама не могла отыскать его в этом комке. Она бегала по лужайке в поисках сына. А потом Ёжка отряхивался и, лукаво щурясь, вылезал на белый свет. — Опять перепачкался, Ёжка! – ворчала ежиха. - Вот задам тебе!

Но Ёжке нелегко было задать. Он ведь колючий. По этой же причине его и вымыть было невозможно. Но лес был добрый и не марал Ёжку сильно. Даже когда шёл дождь, влага впитывалась в мох, упавшую хвою, поила деревья, траву и грибы, а грязи не было. От дождя Ёжка прятался под корягу или в нору под старым деревом, рядом с корнями. Старое дерево тоже было добрым, как и весь лес. Под монотонное пение дождя оно рассказывало Ёжке занимательные сказки или историю своей жизни, и ёжик сладко засыпал, тихонько посапывая носиком.

— Вставай, Ёжка! Дождик закончился – иди играть, - шелестело старое дерево. – Трава уже почти сухая.

А иногда мама приходила и выволакивала Ёжку из его корневого убежища. Они шли на поиски ягод и грибов, наблюдая по пути много интересного.

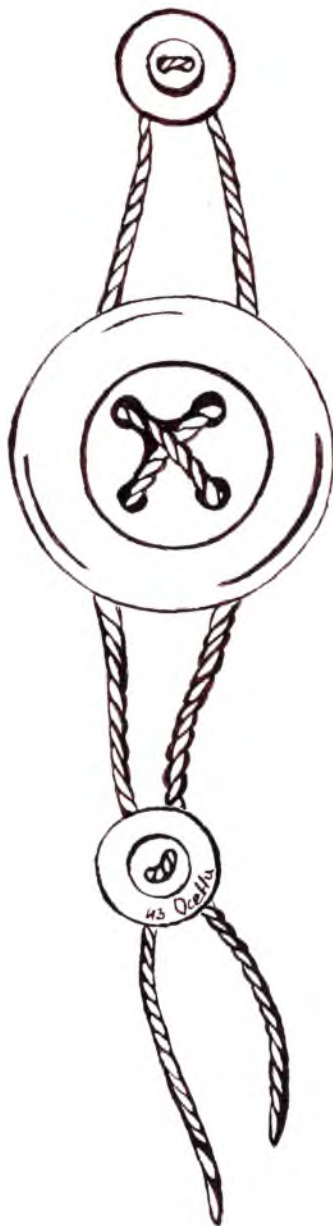
Лес преображался после дождя. Дятлы снова начинали бить барабанную дробь по деревьям, белки – собирать шишки, зайцы куда-то бежали, а Миша залезал в малинник и слизывал с лап ягодный сок. Так проходила осень.

А потом, перед самой зимой, Ёжка с мамой и другими ежами среди корней деревьев делали норки, заматывались в оставшиеся листья и засыпали до весны. Спокойной зимовки!

Валентина Никитина

Об Авторе

Живу я в припадке счастья
в удивительно красочном
мире, иногда сочиняю
рассказы и сказки, в сезон
мыслопёра по три или даже
сорок четыре. Я сочиняю
дурацкие стишки - вот так
самовыражаюсь. И пусть мне
говорят, что дурью маюсь, но
надо ж мне её девать куда то.

Улыбка в подарок

Неизменная оптимистка, она смогла бы рассмешить даже самого Господа. Её главный дар поднимать настроение всем окружающим. У кого-то бывает заразительный смех, а у неё была заразительная улыбка. Стоит ей улыбнуться, и вы уже не сможете оставаться серьёзным.

Мы познакомились с ней в санатории. Она приехала отдохнуть туда с мужем и тремя замечательными ребятишками. Ей было тридцать шесть лет, но выглядела она на двадцать пять, не больше того. Невысокая изящная женщина с искрящимся взглядом и милой улыбкой. Муж окружал её заботой. Он старался во всём ей угодить. Нам показалось, что женаты они совсем недавно, потому как такие отношения большая редкость среди пар живущих больше семи лет. Но однажды разговорившись в автобусе, который вёз на экскурсию, она рассказала свою историю.

Они поженились, когда ей едва исполнилось двадцать два года. До свадьбы и первые полтора года после, муж был очарователен и мил с ней, к тому же подавал большие надежды в спорте и имел хорошие перспективы карьерного роста в фирме, куда устроился сразу после окончания университета. Первое время они были очень счастливы. Она забеременела почти сразу после свадьбы и родила первенца. Молодой супруг отмечал это событие несколько недель. Он пил и задерживался допоздна. В то время как ей была необходима его помощь, он пил пиво, и напитки покрепче, являясь в таком состоянии на работу, за что и был уволен. После того, как муж потерял работу, её жизнь превратилась в ад. Пить он не бросил, зато нашёл компанию таких же пьющих безработных мужиков. Он стал всё чаще браниться, и даже поднимать руку на молодую супругу. Спустя два года после его регулярного пьянства и участвовавших ссор чаша её

терпения была переполнена. Она решила избавиться от мужа. Но не развестись, а отравить его. План убийства она вынашивала несколько месяцев. И договорившись с друзьями, попросила собирать для неё мухоморов, чтобы сделать лечебный настой для наружного применения, и смазывать суставы бабушке. Получив от друзей корзину мухоморов, она их обработала, отварила и нажарила с картошкой. Чтобы не попасть под подозрения в убийстве мужа, она написала ему записку, что погостит у родителей, и с ребёнком уехала из дома. Он вернулся домой пьяным, когда её уже не было. С удовольствием наевшись картошки с грибами, он завалился спать. Она же, приехав к родителям с ребёнком, старательно делала вид, что у неё всё хорошо, а на самом деле ужасно переживала. Она представляла, как вернётся домой, и обнаружит уже остывший труп мужа. В этот момент в душе её всё холодело, ей казалось, она ощущает этот холод физически, как будто не муж остывает, а она сама. Она придумала, что она скажет в полиции, и даже продумала свой траурный наряд, который сделает её ещё прекрасней. Ночью она не могла заснуть, и, проспав потом почти до обеда, спохватилась, и, оставив полугодовалого сына родителям, поехала домой. Её сердце колотилось от волнения. Она даже не сразу попала ключом в замочную скважину. И, отперев дверь, не понимая сама, почему, она на цыпочках прокралась в их спальню. Открыв дверь спальни, она услышала храп мужа. Он был жив. Она та кже, на цыпочках, подошла к кровати и приложила ухо к его груди, чтобы прослушать сердце и дыхание. Сердце билось ровно, а дыхание было глубокое, как у любого спящего. Она почувствовала лёгкость, и ей стало даже весело. Она укусила мужа за ухо, и подёргала за кончик носа. Он проснулся, посмотрел на неё, и немного подумав, попросил подогреть ему ещё картошки с грибами. Она спросила, сколько он вчера съел и хорошо ли себя чувствует?

И когда он убеждённо ответил, что ужин ему безумно понравился, да и самочувствие у него, несмотря на вчерашний перепой, прекрасное, она рассмеялась и рассказала, что картошка пожарена с мухоморами и повторно рисковать ему не следует. Муж рассмеялся, не поверив ей, пошёл на кухню, но Она опередила его. Схватила сковородку и вытряхнула всё содержимое на пол. Муж растеряно смотрел на пол, пока она собирала веником с пола картошку и грибы, и плакала. Он впервые в жизни видел её слёзы. Плакала ли она от облегчения, что муж остался жив, или от досады, что ей не удалось его отравить и снова придётся терпеть его пьянки, она уже не помнит. Но в тот самый момент, Его словно “переклинило”. Он осознавал, что неудавшаяся попытка его отравить это не результат пустяковых размолвок, и как же нужно было довести жену, чтобы она решила его убить? Волна любви и жалости к ней поднялись в его душе, как он ей потом рассказывал. Муж пообещал ей тогда, что никогда больше не доведёт её до слёз и тем более до убийства.

Через некоторое время ему удалось найти новую работу, пить он бросил, и с какой-то отчаянной любовью стал относиться к супруге. Он старался вызывать её улыбку, и переживал, когда она бывала не в настроении.

Всё это время её муж ехал рядом и слушал рассказ жены. Нам было немного неловко, из-за того, что она так свободно при нём рассказывает эту историю.

Он улыбнулся нам и сказал, что его жена настоящая богиня, которая может, как дарить жизнь, так и отнимать её, ведь та попытка с отравлением была не единственной угрозой его жизни. Она не раз с улыбкой обещала его утопить, сжечь или прирезать, если он только шаг сделает в сторону прошлой жизни с алкоголем и гулянками. Но не угрозы убийства пугают его, ему гораздо страшней потерять её улыбку. Экскурсия закончилась и мы вернулись в санаторий. За

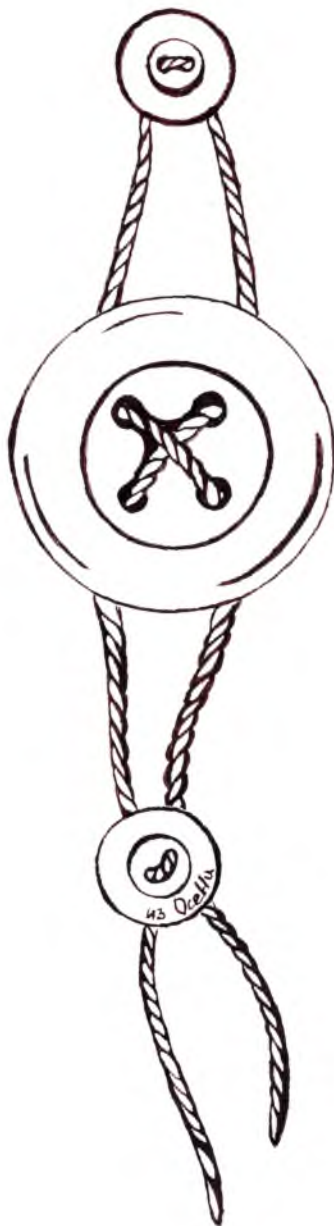
ужином я решила понаблюдать за собственным супругом. Он вёл себя как обычно, его не впечатлила история, рассказанная нам в автобусе. Ему наверняка не приходит в голову мысль, что я могу решиться на его убийство. Я все наши десять лет старалась быть для него идеальной женой и мамой и любовницей. Но, что я получаю в благодарность? Ничего. Я не могу сказать, что не помню, когда он мне в последний раз дарил цветы. Как раз таки помню. Когда я родила ему сына. А было это шесть с половиной лет назад. А вот когда он говорил мне ласковые слова, помогал нести сумки, я, пожалуй и не вспомню. Он у меня самый обычный среднестатистический муж, утративший желание проявлять любовь и ласку, но неизменно проявляющий недовольство.

После ужина и вечернего киносеанса мы вернулись с мужем в свой номер, попрощались до завтра с нашими новыми друзьями. Когда муж уснул, я всё лежала без сна и думала, как же сложно устроен мир, в котором рабское благоговение не вызывает ничего, кроме равнодушия, а даже иногда отвращения, за то желание убить порождает в супруге нечеловеческую всепоглощающую любовь. И может эта любовь с примесью страха, за свою ли жизнь, или за риск потерять жену, но тем не менее любовь проявляемую.

Дарья Барабенова

Автор о себе:

Родилась в 1991 году в городе Тюмени. Учусь на втором курсе Тюменского Государственного Университета. Изучаю немецкий язык. Пишу с перерывами с шестнадцати лет.

Пианино

Когда открывают крышку и играют – приятно: звук наполняет воздух, комнату, стены. Неприятно – когда снимают крышку, деки, крутят колки. Потом все нотки – чистые, звук лучше, в общем, хорошая форма, но всё равно – неприятно. Пианино совсем не нравилось, когда разбирают. А настройщик был такой дотошный, всё что-то подкручивал, находил новые изъяны, и, когда пианино само уже было уверено, что починка и настройка закончились, он снова качал лысеющей головой, говорил своё всегдашнее «так-так» и с новой силой пускался в работу. Настройщик приходил каждые полгода.

Пианино стояло в детской. Однажды Катя вытащила нижнюю деку, и спрятала внутрь небольшую клетку с хомяком, принесённую тайком от родителей. Тайна была раскрыта тем же вечером, когда девочка снова начала вытаскивать тяжёлую доску, чтобы покормить питомца, а эта доска так шваркнула о педали, что загудели все струны внутри инструмента. Прибежали родители. Мама, конечно, первая. Кара была суровой. Две недели без сладкого, телевизора, ну, и штрафные часы занятий на инструменте. Досталось и пианино: две этих самых недели оно простояло без нижней деки, чтобы вдруг не скрыть от родителей ещё каких-нибудь важных секретов. Это не очень-то приятно. Ну, представьте, что в животе у вас гуляет ветер – примерно те же ощущения. А хомяка отдали соседскому Костику.

Катя очень хорошо играла. У неё был талант. Правда, желания почти никогда не было. Мама всё время контролировала её занятия, сколько играла, как, в каких темпах, не дай бог загнать! Поначалу мама вела свой дневник, чтобы записывать все замечания, которые на уроке делал дочери препода-

даватель. Она сама когда-то занималась музыкой. Очень давно. Благодаря маме пианино играло каждый день. Восемь лет оно играло каждый день по несколько часов. Поэтому настройщик приходил раз в полгода.

Пианино хорошо помнило, как девочка приходила, открывала крышку и медленно-медленно, чтобы ни один молоточек там, внутри инструмента, не задел струн, клала локти на клавиши и, склонившись на кисти рук головой, начинала плакать, беззвучно сотрясаясь. Горячие слёзы катились между пальцами, скатывались под клавиши и высыхали где-то на сердце очевидца детского горя.

И Пианино думало в такие моменты: «Бедная, бедная моя девочка... Ну кто посмел тебя обидеть?»

– Ты занимаешься? – доносился из кухни голос, неизменно требовательный, неизменно не допускающий вариантов ответа.

– Да, мама.

А Пианино умиротворённо думало: «Ну, вот и успокоилась. Давай поиграем Шопена?»

Она играла Бетховена.

И всегда в таких случаях она играла что-то другое, не то, что пианино загадывало про себя. Почему?

Тот день очень хорошо запомнился. Она пришла из музыкальной школы после выпускного. Получила красный аттестат. Родители зашли к ней в комнату.

– Ну, вот ты и закончила музыкальную школу... – мамин голос, не такой, как обычно, а умиротворённый, – мы так гордимся. Вот и аттестат отличный. И в училище с ним без проблем... Ну, впрочем с такой программой, как ты играешь... – Она многозначительно посмотрела на отца. – Доченька, сыграй нам с папой.

– Нет, – последовал ответ.

– Что значит нет!?! – вот они, знакомые ноты того самого голоса.

– В училище теперь хотите меня отправить, решили уже, я смотрю, всё? За семь лет не наслушались ещё? – закричала девочка, – Я же каждый день играла, играла, играла, играла!

– Ты очень хорошо играешь, – попытался смягчить дочь отец.

– И что? Что? Что из этого!?! Да я его ненавижу!

Она схватила аттестат, открыла верхнюю крышку пианино, бросила его внутрь и с оглушительным треском захлопнула. Указывая пальцем на инструмент, она выкрикнула:

– С этого дня я к нему пальцем не прикоснусь!

Потом было знакомое неприятное ощущение ветра в животе – это папа доставал аттестат.

«Конечно, Катя пошутила, конечно, она будет ещё играть. Как же она столько лет играла? Это она просто сказала, чтобы маму позлить. Это ведь мама её обижала тогда. Это она её наказывала за плохие отметки по специальности. Это она не отпускала её гулять. Это ведь не я... – думало про себя пианино, – Ведь не может она не любить музыку, когда она так играет».

Катя любила музыку. Но отступить от сказанного она не могла. Поэтому с того самого дня она действительно не прикасалась к пианино. Через два года Катя вообще уехала.

– Ты что стоишь здесь?

– Думаю, что с ним делать.

– Может, в музыкалку предложить?

– Ты что, там сейчас новые инструменты стоят. Зачем им эта развалюха.

– А может, кому...

– Продать? Ты смеёшься что ли? Вон, клавиновы у всех, кто ж его купит? Слушай, ты лучше сходи к соседям, у Александра

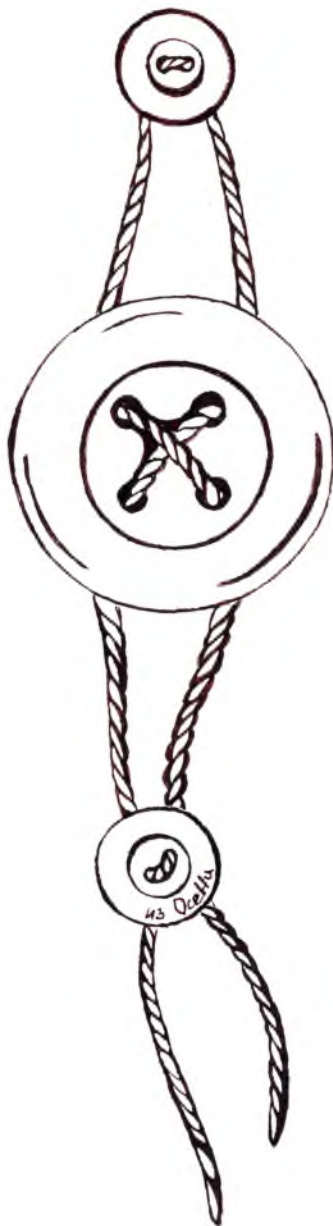
Иваныча Костик вроде приехал, может, помогут?
Входная дверь щёлкнула замком, а через несколько минут
хлопнула, впустив повеселевшего папу.
– Ну что? – поинтересовалась мама.
– Завтра выносим.
«Как о покойнике говорят...» – подумало пианино.

Екатерина Заречнева

Об Авторе

Екатерина относится к числу «заочников» Школы литературного мастерства, так как проживает в г. Новокузнецке, и у нее нет возможности посещать лекции. Тем не менее, она поддерживает связь со школой через интернет, и предложила для публикации свою сказку «Вилка».

Вилка

«Их безумие выражалось в том, что они не были несчастными, не были обеспокоенными, не боялись смерти, не беспокоились о пустяках». Бхагван Шри Раджниш

Парк любил периодически вдыхать грязный воздух и думать о смерти, покрываясь сеткой заметных морщин – дорожек. Он тихонечко грустил, когда его несовершенство в межсезонье становилось вопиюще очевидным, и видел только страшные сны. Кошмары имели древовидную структуру и постоянно повторялись: здесь люди сжигают книги, там маленькая ножка ступает на мину в траве, совсем недалеко великое озеро превращается в мусорный отвал, кого-то неглубоко закапывают в парковый субстрат, а из самых статных растений вдруг делают туалетную бумагу. Парк слабо надеялся, что все это только снится. Возможно, иногда он ликовал, когда приходили Гитары и Велосипеды, хотя, тоже возможно, что ему было все равно, наверняка можно сказать лишь то, что собак он откровенно недолюбливал. Вечерами в парке было небезопасно, поэтому там ходили только Те, Кому Уже Нечего Бояться.

Вилка ступила в границы парка неслучайно: в обход по освященному проспекту можно идти еще долго, а по гипотенузе до места назначения рукой подать, нужно было обязательно поспеть к сроку. Сделав громкость плеера выше, и ускорив шаг, она напевала снова и снова разные слова, которые не имели иной смысловой нагрузки помимо успокаивающих интонаций. «Почему? Отчего? Зачем?» Знала ответ сама. Качественная медицинская сталь только по глупости могла стать штампованной Вилкой. Все будет так, как пожелают дробинки.

Зажглись фонари, пространства исполосовались тенями.

Такая тишина пугала и не столь впечатлительных. Она уже поняла, что сегодня играет жертву, когда заметила две шоколадные фигуры: Заяц и Дед спокойно ждали на входе около перевернутой урны. В голове обреченно вертелось только одно: «Быть поездом, что каждый день по графику выходит на первый перегон и следует по заданному маршруту, уделяя внимание каждому отдельному пункту по норме в точку своего завтрашнего отправления... и день через день так... без изменения... деятельность – процесс достижения... цель – ноль... движение – все... снова не успела...». Методично был исполнен удар по этой самой голове, и бессознательное тело мигом утопло в сахарном сугробе.

Ей мерещились 18 черешен, которые мечтали стать пустотой со вкусом куркумы, они свисали с веток, крепко ухватившись за тонкие черенки, не желая падать. Еще она видела однородную пустыню из малой кучи рваных желтеющих пергаментов, выделенный по-детски черным контуром колодец в стеклянном воздухе, да покусанный ветром сосуд, брошенный наземь, неразбитый, шершавый, горячий. Ближе. Жажда. А 48 черешен гнили под деревом, они, в свою очередь, хотели стать приземистыми ростками в лесу на краю земли. 12 черствых корочек хлеба мнили себя спелыми колосьями, а сушеные тараканы, что грызли их каждую ночь, были вполне довольны своей участью. Новогодние мандариновые шкурки бессчетно сублимировались то в неподвижных дохлых воробьев на полу чердака, то в мокрые камни у дороги, где каждый август под колесами твердого и быстрого автомобиля погибал сохатый, а порой они видели, как о землю ударяется черешня. Хлопок.

Очнулась и не подумала, куда скрылись преступники, не вспомнила о божественном предназначении, в черепной коробке осталось только то, что давно должно было быть стерто. Вспоминать сбывшееся не стоит.

- Сколько ушло времени? Скорее скажите, который час??
(изумленно)

На дне сугроба рядом лежит разбитая Бутылка с замерзшей кровью на выступающих краях, она безмолвствует, видно укоряет себя за то, что убила, опустела и вовсе не считает минут. Просто орудие и такая мнительность!

Пошел солоноватый дождь с примесями тяжелых элементов, сугробы таяли. «Сахар и соль, к сожалению, не образуют химической реакции. Видимо, пора выходить», - Вилка снова раздумывала. Свежее утро потягивалось, не помня звуков вчерашних колыбельных. Порезанная осколками кожа наскоро заживала, оставляя новые памятные шрамы. Печально, но за поиск Вилка всегда расплачивалась разочарованием. Но поиск почему-то никогда не прекращался. Свет опутывал ветки марципановых кустов серыми паутинками, где-то невысоко оципаные и безголовые голуби спешили заполнить объем миленькими голенькими тушками. Воздушный поток увлекал за собой часы-Луковку, сделанные из натурального сливочного масла, цепочка их волочилась по земле, цепляясь за каждое ровное место. Часы не здоровались, ведь они ужасно переживали по поводу глобального потепления, но не от градусов они так легко теряли форму, а потому что постепенно забывали о времени.

Вилка с наслаждением разогнулась и неспешно побрела вглубь парка. Сырость и мусор разноцветили просторы, обрывки афиш обещали радость и единение конкретными датами, но, увы, давно прошедшими. Вечнозеленая кинза нахально торчала из-под лавочек. В эпицентре падения НЛО восседала чрезвычайно важная китайская Капуста и продавала космическую пыльцу, якобы помогающую при бессоннице и бессилии. Она была не в меру разговорчивой и навязчивой, еле-еле Вилка смогла от нее отделаться. Ей ведь совершенно не нужны индальгенции.

Все дальше и дальше шла она: мимо ржавых аттракционов, вдоль странных искаженных домов-дольменов по дороге из покоробленного асфальта в страну Сама Не Знаю Куда. За незаполненным бассейном цвета майского жука располагалось заброшенное кафе, где под огромным желтым зонтом прятался черный имбирный Пряник, сгоревший в головешку то ли от рук нерадивой хозяйки, то ли от ультрафиолета. Он попивал пиво, механически сверяясь с хронометром, заметно было, что пиво – вообще не его напиток, но, кажется, он давно смирился с данным фактом. Вилке захотелось нарисовать большой Гриб атомного взрыва над горизонтом с беспардонными волнами всепроникающей радиации, что бы стало теплее и интересней ему сидеть здесь. Он бормотал: «Я не хочу сказать, а вы не понимайте». Вилка молчала.

Только она было собралась с мыслями о том, как добраться до небесного купола, да чем изображать картинку, огромный Половник-полковник возмутил слои и выдернул Вилку из парка.

Неожиданный поворот, и дрожащая Вилка помещена на рабочую кухонную поверхность неподалеку от разделочной доски и огромной сопящей рыбыны. Странно, двое детей вдохновенно спорят о том, что же еще должно быть брошено в котел с бурлящим супом. Кто же тот злоумышленник, что вознамерился испортить варево металлом? Соловей обыкновенно уютно сидит на полке с крупами и хитро ухмыляется, он определенно заинтересован исходом процесса. Вилка поняла, что если бы Соловей уронил ее за буфет, а не в котел, не видать ей света белого еще очень и очень долго, порадовалась немного, но только это и оставалось, ведь двигаться без чужой помощи теперь не представлялось возможным, а сталь так тянется к динамике.

- Макс, Эрнст, карамба! Смотрите за очагом, а то потухнет! - разразился Соловей бранной трелью.

- Ишь ты, ангел очага нашелся! – воскликнул один из близнецов – Лучше бы достал пол-унции тополиного пуха, знаешь прекрасно, что запасы подходят к концу! И птица улетела, на бреющем полете задев непослушную вихрастую макушку Того, Что Слева. Новая порция поленьев кормила огонь, бережно подбиравший крошки, он рычал ласково, будто сытый лев, отец прайда, необремененный охотой. Приятное тепло ощущалось всем телом. От раскрытого окна пахло краской и древесиной, которая достаточно пролежала в море. Хотелось пить. Вдалеке виднелся сад, разбитый на французский манер, там устало скрипели деревья под грузом спелых черешен, подпевая гудкам проходящего холостого паровоза. Старые напольные часы били Полдень, они, увы, не умели летать.

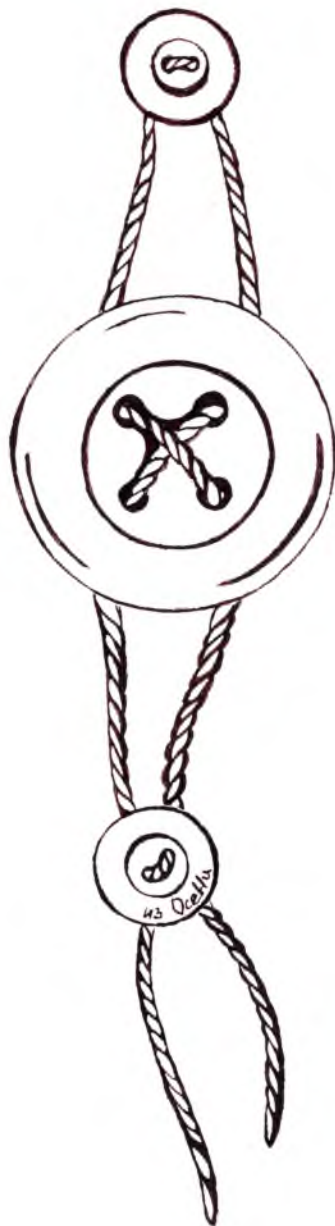
Вилка увидела, что рыба проснулась и спросила: «Тетенька, скажите, а вы какой породы? Камбала? Скумбрия?»

- Нет, милая, людям это неизвестно... Спи спокойно. (закрыла глаза)

Вилку отправили в мойку понимающие руки ребенка, теперь она оказалась на огромном запачканном блюде в желтых лютиках на дне колодца. Сквозь сон, щедро навеянный зноем, она поняла, что наверняка эта достопочтенная дама – рыба–Луна.

Мария Цыганкова

(творческий псевдоним – Алекс Осени) - выпускница филологического факультета ТюмГУ, отделения журналистики. Этот сборник, как и предыдущий, проиллюстрирован ее руками. Помимо склонности к рисованию, Мария пишет стихи и прозу, которые вы сможете прочесть далее. О себе автор говорит следующее: «Мне выпало сомнительное удовольствие родиться на берегу одного из притоков Оби. У меня непереносимость алкоголя. Курю я мало, исключительно под настроение. А из музыкальных инструментов играть умею разве что на фортепиано, чем с переменным успехом и занимаюсь чуть больше пятнадцати лет своей сознательной жизни».

Мизерекордия

Мизерикорд, мизерикордия, кинжал милосердия (фр. misericorde — «милосердие, пощада») — кинжал милосердия использовался для добивания поверженного противника, иными словами — для быстрого избавления его от смертных мук и агонии

Алиса

- Почему ты его не застрелишь? – спрашивает Алиса, разливая по чашкам свежезаваренный зеленый чай. Ее движения неторопливы, как течение реки в период первых заморозков.

- Знаешь, никогда себя об этом не спрашивала – отвечаю, медленнее, чем обычно, будто пробуя каждое слово на вкус. Слова оставляют на языке вязкую горечь. Делаю небольшой глоток чая. Потом еще и еще, пока чашка не опустеет ровно до половины. Отставляю в сторону.

Чашка. Наполовину пуста, на две четверти полна.

Луна. Ночь без сна. Еще одна ночь. Весна...

- О чем ты думаешь? – Алиса улыбается. Она берет из плетеной корзинки большой золотистый круасан, размывает его душистую плоть, чтобы потом маленькими кусочками отправлять в рот.

- О твоём предыдущем вопросе – улыбаясь в ответ, честно вру я. Я не о чем не думаю. Точнее, не о чем думать, наверно. Уже не о чем.

Ты

У тебя бывает так, что ты сидишь где-нибудь, вокруг друзья, друзья друзей, еще много всякого народа. Они общаются, смеются, пьют, а у тебя внутри вдруг становится всепоглощающе тихо. И в этой тишине возникает вопрос: «кто все эти люди, и что ты тут делаешь?».

Встаешь и, ни с кем не прощаясь, уходишь, потому как тебе там неправильно. И только оказавшись под незвездным небом города, название которого начинается с той же буквы,

что и твое имя, тебе становится легче.

Да ладно. Ты уже лет десять, как не морочишься такой ерундой. А если и начинаешь что-то чувствовать, сразу идешь в ближайший алкомаркет, благо он в десяти минутах ходьбы от твоего последнего места жительства. Берешь литр водки, и выпиваешь в одиночестве, временами запивая водку горячим крепким чаем.

Я

Иду по ночному городу, пересекая сонные и неосвещенные дворы. Туда, где мне сегодня правильно. Туда, где мне правильно последние несколько ночей. Многоэтажный длинный дом, средний подъезд, предпоследний этаж, двести тридцать шестая дверь. Твоя дверь. За ней – тишина, прерываемая мерным рокотом холодильника и твоим беспокойным дыханием. До шести утра можно никуда не уходить. У тебя нет соседей, значит побеспокоить меня некому. Теперь спать. Завтра будет лучше.

Алиса

- Твое молчание на удивление красноречиво – замечает Алиса. Она расправилась с круасаном и теперь рассеяно собирает тонкими пальцами крошки с идеально гладкой поверхности стола.

- Такое ощущение, что ты ждешь чуда. Что его искра снова загорится. Оставь. Ему же почти сорок. Последние несколько лет он живет один. Ни родни, ни по-настоящему близких друзей, даже врагов не осталось. С такими, как он, чудеса не случаются.

Молчу. Улыбаюсь. Отпиваю еще чая. Она права. Я действительно жду чуда.

Я

Бесталантных людей нет. Внутри каждого, не зависимо от пола, национальной принадлежности и вероисповедания, заложена способность к творчеству. Она может проявлять

себя по разному: одни – великолепно готовят, другие – способны извлекать звуки из музыкальных инструментов и соединять их в музыку, третьи – виртуозно собирают технику. Не имеет значения, в какой области человек реализует себя. Главное, что пока он творит – он озаряется внутренним светом. В нем горит искра.

Бывает так, что однажды запнувшись, человек перестает творить. Искра внутри него начинает затухать. Она может на протяжении нескольких лет тлеть, постепенно остывая, пока не погаснет совсем.

Россыпь битого хрусталя,

В левом нагрудном, где раньше водились мечты.

По-хорошему бы таких, как ты,

Давно пора расстрелять.

Только пуль на всех не хватает –

Воруют, гады...

Когда у человека не остается ни мечты за душой, ни искры в груди, ничего его больше не радует, и не к чему он не стремится, приходим мы, прервать его земное существование. Чтоб не мучился. Загнанных лошадей – пристреливают, больных животных – усыпляют. Чем человек лучше? Только тем, что способен мыслить и осознавать степень своей никчемности?

Мы - самые милосердные из ангелов, самые циничные в проявлении милосердия, как никто другой понимающие изменчивость человеческой природы.

Иногда меня саму мутит от такого пафоса. Но, кто-то же должен помогать страждущим – как говорит Алиса. Любит говорить. Часто.

А ты – нечего еще, скалишься,

Не торопясь «отплясать камаринского»,

На «тот свет».

Только пальто двубортное – наглухо.
Воротник – поднят
На глаза – берет...

Ты

Глаза у тебя, карие, цвета кленового сиропа. И ресницы длинные, не по-мужски густые. Когда ты улыбаешься – твое лицо освобождается от печати возраста, а проходящие мимо женщины оборачиваются тебе вслед. Правда, последнее время, улыбаешься ты совсем не часто. Точнее, почти не улыбаешься... Смотришь только под ноги, и никогда на небо.
Я

Прижимаюсь спиной и затылком к шероховатой стене здания, ощущая ее надежность. Почему каждый раз, когда я тебя вижу, не могу спустить курок?

Мы никого не убиваем просто так. На все должна быть достойная причина. Если есть надежда, что искра внутри человека разгорится – он не умрет. Чем человек моложе – тем больше шансов, что он снова засияет. Но, с возрастом, вероятность чуда становится, ничтожно мала.

Мы безошибочно определяем людей, внутри которых не осталось света. Их выдает потухший взгляд, механичность действий, отсутствие желаний. Когда у человека заканчиваются желания – он начинает затухать, постепенно утрачивая интерес к жизни. Некоторое время мы еще наблюдаем за угасающим человеком, но рано или поздно он переступает черту невозврата, и кто-нибудь из нас останавливает его сердце.

Ты миновал точку невозврата пару месяцев назад. Теперь моя очередь сделать свой ход.

Ты

О чем ты думаешь перед тем, как закрыть глаза и уснуть?
Чье имя, словно глоток самбуки катаешь на языке, напол-

нясь его горячей вязкостью? С какими мыслями встречаешь каждый новый день своей жизни? Улыбаешься ли ты, открывая утром окно?

Единственное, о чем ты регулярно задумываешься, это как бы побыстрее сдохнуть, не прилагая к этому особых усилий. Ты, настолько устал от себя, что проходя мимо зеркала в прихожей, по привычке отворачиваешься от собственного отражения. Даже бреешься ты не глядя. А когда чистишь зубы – тупо пялишься в стену ванной с отколотым кафелем.

Алиса

Алиса такая же, как я – ангел во плоти. Высшее проявление милосердия и гуманизма подливает мне еще чаю, поддвигает сахарницу с тростниковым сахаром, хотя прекрасно знает, что сладкий чай я не люблю.

- Никак не пойму, продолжает она, - как мы могли так ошибиться? Мы же были уверены.

Пристально смотрю в ее серые, никогда не улыбающиеся глаза.

- Видимо, и нам свойственно ошибаться – делаю глоток чая. Он горчит – перестоял.

Ты

Какой черт дернул тебя в три часа ночи идти в магазин за чаем? Красным, обязательно с корицей, тмином и мятой. Я открыла глаза, когда ты уже положил одну руку мне на плечо, а другой проверял на шее пульс.

- Проснулась? Ты чего тут караулишь, счастье? – спросил охрипшим от долгого молчания голосом.

-Тебя – призналась честно. Смысл врать людям – все равно не поверят.

- Тогда идем – не глядя, протянул, руку помогая встать. Ладонь у тебя не широкая, сухая, с длинными, в прошлом неоднократно выбитыми пальцами. Теплая. Теплее моей. Не расцепляя рук, спускаемся на первый этаж, проходим через

два подъезда к магазину, и возвращаемся обратно.

Двести тридцать шестая дверь с недовольным скрипом закрывается за моей спиной. Кивком головы ты указываешь мне на вешалку в коридоре. Стараясь не выронить из внутреннего кармана пистолет, я аккуратно снимаю пальто и вешаю его на свободный крючок. Ты гремишь на кухне посудой, ставишь чайник. Я прохожу следом за тобой.

- А теперь рассказывай, кто ты? - С напускной неприветливостью спрашиваешь, подавая мне большую оранжевую кружку. Магия превращения воды в ароматный пряный напиток заворачивает.

- Ангел, - удивленно приподнимаешь бровь, а я добавляю - Ты мне все равно не поверишь.

И тут ты начинаешь, неожиданно даже для самого себя, улыбаться, а внутри у тебя робко вспыхивает искра.

- Хм. Ангелы – это такие мужики в белых одеждах, с крыльями за спиной и медными трубами наперевес – медленно отвечаешь ты.

-Ну, кому как повезет. У кого-то и мужики с крыльями, а у тебя – я.

Изучаешь меня взглядом, продолжая улыбаться. Я вижу, как в середине груди у тебя медленно разливается ровный золотистый свет.

Алиса

- И что ты намерена делать дальше? - спрашивает меня Алиса, убирая со стола грязную посуду.

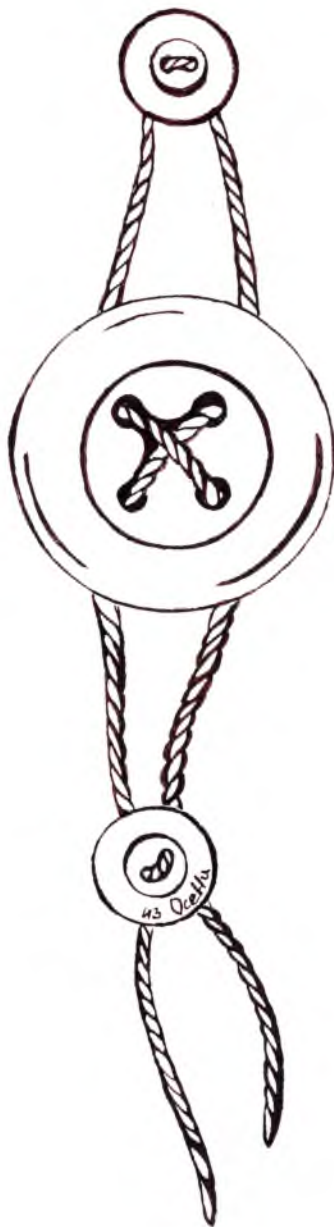
На минуту задумываюсь:

- Не знаю. Наверно, отведу его на самую высокую крышу и покажу небо. И, кстати, пусть мой пистолет полежит немного у тебя...

Алексей Крутов

Об авторе:

В каждом моем рассказе живет маленькое существо, которое скрываясь между строк соперживает Вам во время чтения, пробуждая интерес и делая Ваши эмоции сильнее и глубже. Я очень надеюсь, что каждый читатель найдет себе достойного друга среди моих коротких произведений.

МУМУ

(вольная интерпретация)

На дворе был 1900 год.

Знаменательное событие для Тюмени – приезд великого дрессировщика Анатолия Дурова со своей труппой. Каждое выступление имело головокружительный успех. Зрители аплодировали стоя, но отнюдь не великолепным «Приключениям в городе Свинске», и не уморительным ужимкам и островам клоунов, а довольно заурядному номеру с дрессированной собакой. Дело в том, что повесть Тургенева «Муму» была весьма популярна, и к труппе прибилась крепкий глухонемой мужик с собакой. И до того умная у него была бестия, что просто диву давались. И счету обучена, и утварь с одеждой может поднести в нужный момент, а как себя на людях вела, что твоя королевна, даром что дворняга. Да и мужик очень за ней присматривал, собака всегда была сыта, шерсть расчесана и блестела, словно золото на солнце. Вот их номер за глаза и прозвали «Герасим и Муму», а после и пристало прозвище так, что и конями не растащишь.

Особым разнообразием на события и развлечения тогдашнее время не баловало. И в цирке зачастую можно было увидеть многих купцов и прочей уважаемой публики. В один из вечеров чета Машаровых посетила прощальное выступление труппы Дурова. Семейство было поражено ловкой и умной собачкой, дети смеялись, глаза счастливо блестели, барышни улыбались и хлопали в ладоши. Глава семейства был известен как человек с тонким вкусом и страстью к искусству в любой форме. Глядя на взрыв счастья у своих домочадцев он решил пригласить Герасима к себе, на пару деньков. После целой ночи упорных и тяжелых переговоров сторговались с Дуровым на такой баснословной сумме, что его труппа год могла не выступать. Еще день потратили, что бы объяснить

глухонемому куда идти и зачем. Норов у него был суровый - насилу уговорили. С условием не более двух выступлений в неделю. И две ночи и один день в месяц он с собакой не показывался из своего жилья, ставни были плотно закрыты и свет горел не переставая. Купец прощал Герасиму все, ибо свято верил, что каждому талантливому человеку требуется небольшой отдых и право на причуды, «если они особенно не мешают никому». После такого «отдыха» он просто светился, а собачка его казалось ухоженнее и бодрее. Так продолжалось довольно долго. Однажды тетка купца, после очередного большого семейного празднования испросила его «личный расчудесный дуэт» выступить разок на своих именинах. Купец с неохотой согласился – родня все – таки, хоть и предпочитали в семье тетушки об отмене крепостного права не знать...

Полночь уже наступила, Герасим все греб да греб. Весла пересекали темные упругие волны Туры и упорно толкали лодчонку все дальше и дальше, течение только поддавало прыти и, казалось, что беглецы летят в серебристом лунном свете по черной масляной воде. Муму смиренно сидела на перекладине, поджав ноги, укутанная в исполинскую рубаху хозяина, и смотрела на Герасима своими большими карими глазами.

«Грех на душу взял, прости Господи...» думал Герасим, размеренно работая веслами, плечо ныло и саднило, но он терпел, надо было терпеть. «Что же они, совсем умом тронулись – на болезную, руку-то поднимать?». Ритмичные всплески убаюкивали Муму, и она смешно клевала носом. «Ну, Бог нам всем теперь судья, сделанного уж не воротишь, как ни старайся, да и не стал бы я менять ничего...». Он с нежностью и грустной улыбкой смотрел на свою верную спутницу и вспоминал события нынешней ночи...

Герасим сидел за столом в своей каморке, мастерил из

липы новую ложку – его старая, вырезанная им самим, еще в юности, совсем пообтерлась и скололась. Муму спала, свернувшись калачиком на его крепкой дубовой кровати, заботливо укрытая тяжелым овчинным тулупом. Иногда он отрывался от своего неторопливого занятия и, улыбаясь, смотрел на спящую.

Прошло всего два года после того, как Герасим спас ее, вытащив из студеной воды, полгода как они вместе работали на подворье у Машаровых, и, всего три месяца, как «гостили» у купеческой тетки. Барыня эта шибко не нравилась Герасиму. Она заставляла давать представления почти каждый вечер. И видеть желала только, как собака кружится на задних лапах. После таких номеров Герасим уносил бедное животное на руках и полночи успокаивал и обихаживал. Слезы капали у него из глаз, а изможденная лохматая подруга из последних сил ластилась к нему и слизывала соленую влагу. Как и прежде он запирался с собакой в каморке на две ночи и на один день. Дворовые шептались у них за спинами, но в открытую побаивались сказать хоть слово. Могучий богатырь, хоть и был глух и нем, словно пень, но каким-то образом понимал, когда над ним или его спутницей начинали глумиться. И тогда не жаловал ни кого, и мог так приложить своей ручищей, что не всякий задумается над повторением своих срамных слов. Тягучий вечер плавно перетекал в наполненную терпкими ароматами ночь, до полуночи оставалось чуть меньше часа, и Муму тихонько ворочалась во сне – ей снились большие и теплые руки Герасима...

Снаружи одновременно заголосили несколько мужских голосов, и в дверь нещадно забухали ногами, Муму встрепенувшись, забилась в угол кровати и, дрожа, металась взглядом с Герасима на дверь. Он заметил ее резкую перемену в поведении, и ласково погладив Муму по голове, пошел к двери открывать.

Стоявший за дверью спальник Гаврила, во главе дворовых мужиков вздрогнул, увидав богатыря и подался было назад, но упершись в младшего слугу приосанился и знаками стал объяснять, что «барыня мол, требует сучку твою к себе». Герасим посмотрел на него, стукнул себя в грудь, указал на Муму, и растопырил два пальца.

- Знаю я, знаю, что затворниками сидите на срок, но барыня велит представление давать, и, мол, если не поторопишься, то худо вам будет.

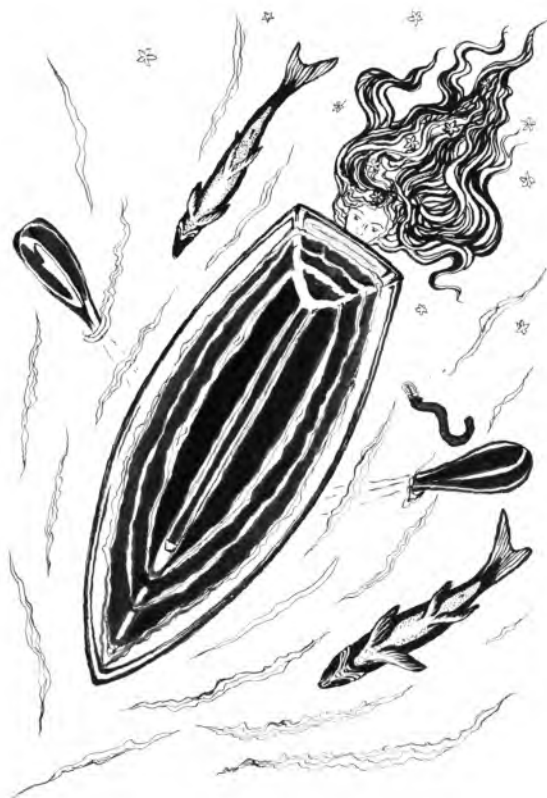
Герасим сделал знак рукою у своей шеи, как бы затягивая петлю, и с вопросительным лицом взглянул на спальника.

- Да, да, - закивал тот головой, - да, непременно.

Богатырь нахмурился, опустил глаза, потом вдруг встряхнулся, опять указал на Муму, которая все время стояла возле него, и уже с любопытством разглядывала ночных посетителей, повторил знак удушения над своей шеей и значительно ударив себя в грудь, яростно замотал головой.

- Велено силой забрать, коли добром не отдашь! – с этими словами Гаврила втолкнул Герасима в каморку и кинулся к собаке. Герасим зарычал и, отбросив схвативших его троих мужиков схватил со стола нож и ударил склонившегося над Муму Гаврилу в левый бок, выхватив из ослабевших рук собаку, он прижал ее к себе, метнувшись к окну, с размаху саданул его плечом, вылетев во двор вместе с рамой и пронзительными всплесками стекол. Упав, он, не оглядываясь, побежал в сторону пристани. На полпути он почувствовал возню и слегка отнял руки от груди, к которой до сих пор прижимал Муму. Тело собаки была крупная дрожь, шерсть ключьями сыпалась из под пальцев Герасима. «Началось...» - подумал он – «Во время - то как ушли» и припустил к видневшимся уже лодчонкам. С ходу влетев в лодку, и чуть не перевернув ее, Герасим положил на дно уже порядком изменившуюся собаку, стянул рубаху, накрыл ей Муму, отметив, что

прикрыл уже почти человеческий силуэт, и налег на весла... И вот уже проплыл за бортом город, и Герасим чуть притор- мозил, давая отдых рукам. Из-под рубахи показались голые девичьи ноги, а после и сама девушка уже села на пере- кладину напротив Герасима. Рубаха была ей великоватой и смотрелась как самое настоящее алое платье. Муму испу- ганно осмотрелась, поджала ноги на скамью. Закутавшись в необъятную красную ткань рубахи она смотрела на Герасима своими прекрасными карими глазами и улыбалась... Спальник – на Руси знатный придворный слуга, состоявший при очень богатом либо благородном хозяине для личных услуг (стерег сон, одевал и раздевал хозяина и т.д.)

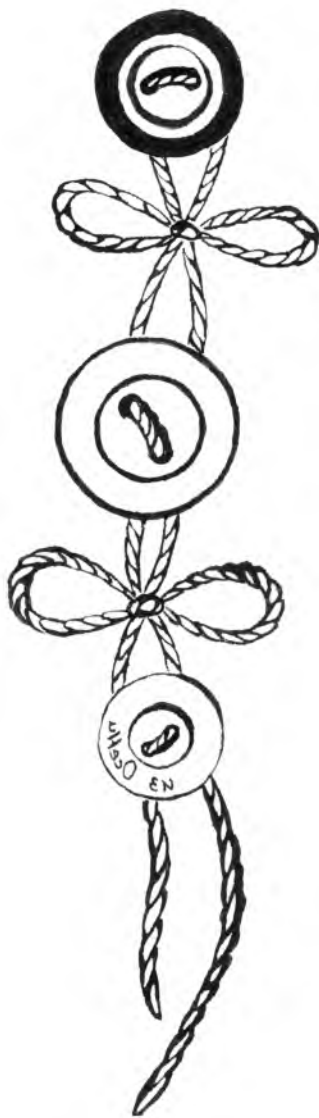

СТИХИ

Дарья Крапивина

Дарья Крапивина — из числа тех авторов, которых в нашей Школе называют «заочниками». Дело в том, что они учатся не в ТюмГУ, а в других вузах или даже живут в других городах. Но такое обстоятельство не мешает этим молодым прозаикам и поэтам поддерживать со Школой литературного мастерства творческие отношения и принимать участие в ее делах.

В 2007 году Даша поступила на филфак нашего университета, но потом переехала в Екатеринбург, стала студенткой УрГУ, защитила там диплом, однако не порывает связи с тюменскими коллегами. Стихи Даша пишет давно. Ее первый творческий успех пришелся еще на дошкольные годы: в шестилетнем возрасте юная поэтесса заняла первое место на Всероссийском конкурсе детского творчества в номинации «Серебряное перышко». С тех пор и не оставляет литературные труды...

О прабабушке

Зимой скучает одиноко
В ночи трамвайное кольцо.
Прабабушка читала Блока,
Очками заслони́в лицо.

Иллюминатор её лупы
Держал ступенчатый маршрут.
Её морщинистые губы
Шептали. Комнатный уют

В торшерном полумраке куба
Обойных бежевых полос.
Она не убирала круга
Своих серебряных волос.

Я пятилетняя плевала
За шпингалетное окно,
Но мне прабабушка сказала:
«Не надо, Дашенька. Грешно»

* * *

Детская ладошка на стекле
Оставляла сказочные лапки.
В этом мире места нет весне,
Наши встречи молчаливы, кратки.
Ты стоишь в холодной пустоте,
Накачавшись чем-то потеплее.
Знаешь, а ведь дети, это те,
Кто придумал, что весь мир добрее.

* * *

В костюме зайчика, который сшила мама,
Читаю стих у новогодней ёлки.
Такая вот садистская забава:
Мой хвост из мишуры ужасно колкий,

Но что-то заставляет быть весёлой.
И стыдно, и приятно от вниманья.
Я вместе с компаньоном - волком Вовой
Пытаюсь облегчить свои страданья.

Тру варежкой колготы на коленке.
И ждёт меня конфетная награда.
А волк украдкой пялится на Ленку -
Снежинку из соседнего детсада.

* * *

Газеты пишут о желтухе,
Автобус скачет на лету.
У гладко выбритой старухи
Зелёный пояс по кунг-фу.
Она везёт в корзине кошку,
Которая, похоже, кот.
Мой папа ел с утра окрошку,
с голландским сыром бутерброд.
Он говорил, что кошку нафиг,
Что с кошкой нам никак нельзя.
Я прошептал, уткнувшись в кафель,
И только кафелю: “Свинья”.
Старуха радостная очень.
У кошки будет сто котят.
А у меня лишь тамагочи
И сбоку варежки висят.

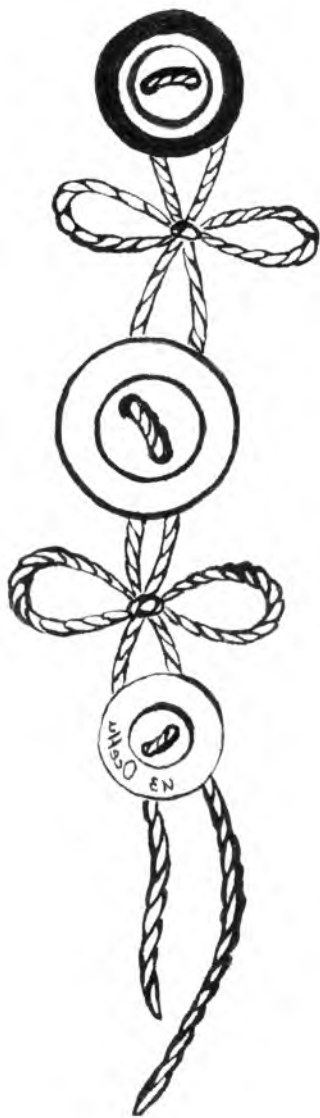
* * *

Вот и конец апреля.
В пыли городской много солнца и детства.
Минует одна неделя,
и я поселюсь у тебя по соседству.
Буду ходить к тебе в гости,
носить пироги с облепихой и вишней.
И полюблю хлипкий мостик,
дорогу, каштаны, дневное затишье.
Достану раздолбанный велик,
буду педали крутить и смеяться.
Встречать меня выйдешь на берег,
тогда уже я не посмею бояться.
И тут же сумею сесть ровно,
вильнув, попытаюсь махнуть тебе левой.
А ты улыбнёшься так, словно
я веду двухколёсный очень умело.
Простишь мне мою остановку
нелепую, где торможу я ногами.
Предложишь теплее ветровку,
и мы побредём под прямыми крестами,
оставив коня без охраны,
запрятав его под зелёные листья.

Тревожные ноты органа
и руки твои - это лучшее в жизни.

Маргарита Чекунова

Мне 19 лет, и я учусь на двух отделениях – телевизионной журналистики и филологии. Наверное, это стремление охватить главное в мыслях и судьбах людей разных эпох, связать настоящее с прошлым. Мне нравится пробовать – музыка, театр, языки, трудно остановиться на чём-то одном. Когда спрашивают, что из этого перевесит, я всегда отвечаю: поэзия. Пишу с детства, есть всероссийская награда, но думаю, это не важно, потому что поэта судят не по регалиям. Каждое стихотворение для меня – маленький дар, который никогда не достаётся просто так. Многие герои моих стихов противоречивы, и я люблю, когда противоречие заканчивается не самоутверждением, а отдачей. Иногда жалею о двух вещах: что нельзя изобрести машину времени и что понятие «честь» устарело. Хотя в первом случае это к лучшему, ведь главное не в стилях, модах и нравах, а в том, что живёт в твоём сердце и звучит в твоих поступках.

Хрустальный солдатик

Хрустальный солдатик с направленной шпагой –
Им дети совсем не играли.
С такой вызывающе-гордой отвагой
Стоит он на полочке в зале.

«Простите за вызов, притворный и мнимый,
Мне трудно сдержать этой тайны.
Я всех вас люблю, но тревожны одни мы.
Я просто хрустальный, хрустальный!

Не раньте. Вот мир, без химер и идиллий,
И я – такой хрупкий, не в меру.
Я шпагу держу, чтоб меня не разбили,
К барьеру, обидчик, к барьеру!»

Сон

Ей снился сон. На шумном карнавале
Она стоит, права и не права.
Свергались маски там, и оживали
Все тайные мотивы и слова.

И вот над ней насмешливо повисли,
Преодолев условностей барьер,
Её подруг завистливые мысли
И тонкий лёд приятельских манер.

Там весельчак был хмурым отчего-то,
Смельчак – от правды пятился, как рак.
За маской был упрёк, а не забота,
За шуткой – выгода, за грубостью был страх.

Но в стороне на шумном карнавале,
Где встало всё, что скрыто может быть,
Грустил один, которого не звали,
Кого давно приказано забыть.

Когда она от слов и пересуда
Ушла в слезах сквозь смеха перебой,
Он всё твердил: «моё смешное чудо,
Я тоже гость. Я каждый миг с тобой».
Февраль 2012

Старинное

- Что, всадник неистовый, мчишься ты прочь
От буйных пиров и войны?
- Там взор застигает мне тёмная ночь
И стыд неизбывной вины.
- Зачем ты за славу в далёких краях
Не бьёшься, обычай храня?
- Там путь преграждают мне зависть и страх,
Они оскорбляют меня.
- Что всадник надменен ты, что неречист?
То гордость владеет тобой?
- Ах, всё напускное, пред вами я чист –
В душе моей нежность и боль.
- Что нужно тебе? От молвы ль, от беды
Бежишь ты, пришпорив коня?
- Там краешек неба. Там отблеск звезды.
...Но вы не поймёте меня.

Январь 2013

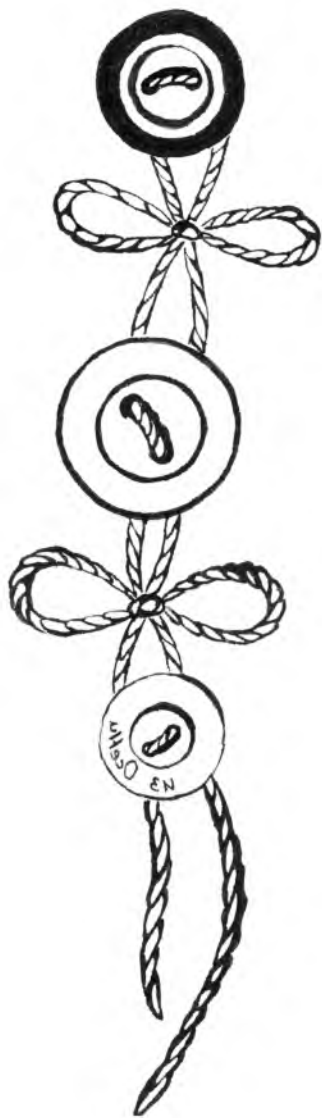
Берёзки на островке

Ни радости нет, ни боли в моей путевой тоске.
Дрожат в придорожном поле берёзки на островке.
Трепещут листвы останки платками по ветерку,
Как будто пришли крестьянки на провода к островку.

Они с теплотой убогой столпились и машут всем,
Кто едет большой дорогой в мир транспорта и систем.
Мне нравится даль стальная и новый айфон в руке.
Я еду, не вспоминая берёзок на островке.

Оксана Молоко

Оксана Попова, она же – Молоко, уже не первый раз публикует свои стихи в печати. Является студенткой филологического факультета ТюмГУ. О себе Оксана говорит следующее: «Что сказать тебе, читатель? Я люблю яблочный пирог. И я бы поделила его с тобой».

* * *

Как выжить телу,
прибитому к морскому дну?
как быть душе,
оставленной над морем?
когда все звезды, вырванные с корнем
уходят на неравную войну.
и как же быть,
когда такого мир не знал союза,
где сердце доверяется уму,
а ум ведом сердечными делами?..
вовек себя такой я не приму -
враждующей под собственными парусами.

* * *

Лодка раскачивается.
но я не боюсь.
сегодня такой шторм,
что рано или поздно лодка
все равно перевернется.
я думаю о том,
как хороша твоя походка.
среди волн -
это лучшее,
что мне остается.
здесь стало совсем ветрено,
и льется с громыхающих небес.
а накануне
тебе снился сон
о двух утопленниках.
поэтому
я не спрашиваю,
зачем ты здесь.

* * *

Ты сидела напротив и
терла свои ладони.
я чувствовал,
как сильно ты хотела прикоснуться к моим.
я молча наблюдал,
как белеют кончики твоих пальцев -
как сильно ты хотела прикоснуться к моим!
я думал о том, что,
если бы пальцы могли заниматься любовью друг с другом,
то твои делали бы это
чувственной и красивой остальных.

сквозняк подхватил твои волосы,
открыв молодое лицо.
и в этот миг
мне показалось,
что нам не уйти отсюда;
что мы навечно прикованы к этой лодке
посреди океана;
что ветер вечно будет развеивать твои волосы,
открывая молодое лицо;
что твои пальцы вечно будут заниматься любовью
на моих глазах;
что я прикоснусь к твоей коже однажды
и узнаю,
что она нежнее, чем шелк.
а потом я вспомнил,
что мы не в лодке.
и ушел.

* * *

Горы свернуть, что никто не мог!
мы больные?
глухие?
незрячие?
да что там!
в рутине мы валимся с ног.
а нам бы чувственными быть,
горячими.

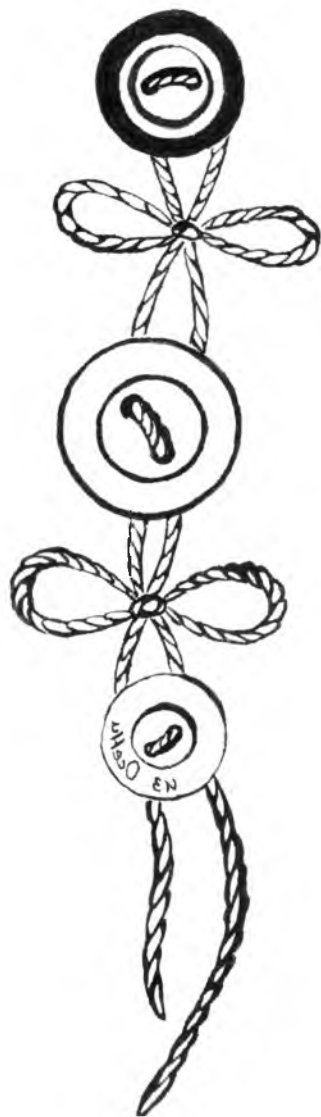
* * *

Вылететь, выпрыгнуть, вынырнуть
из осточертевших капканов...
хватит ли смелости вывернуть
все свои потайные карманы?
хватит ли воли вытерпеть
все эти “в богатстве и в бедности”?
дьявол! я знаю, я видела,
где верность становится ревностью.

* * *

Попробуй-ка измерь
жизнь свою осторожностью.
чем заняты они теперь,
короли
упущенных возможностей?

Мария Цыганкова

Тихое – тихое

Оставила голос в баре
И теперь мой гортанный хрящ
Вынув из тела пламени
Можно впаривать проходящим мимо,
По самому краю,
Осознавших себя зрячими,
Узревшими неприкаянное
мое дрящееся настоящее.
В котором я словно к небу привязанная
мягким нёбом на длинной сцепке.
Замолчавший нетрезвый паяц.
Потерявший самое ценное...
Я оставила голос в баре.

27.05.2012

Третья Америка

Послушай, Клайд никогда бы не бросил Бонни.
Но не потому, что они как патроны в одной обойме,
Ключи в связке,
рассказы, собранные в одном томе,
Сходные по мелкотертости пигмента краски.
Нет, нет и нет.
Просто им повезло вместе сыграть в игру:
“Нас не догонят”.
С этой минуты они стали ближе,
чем актеры театра,
Одевающие по очереди одну маску.

Знаешь, Бонни ни за что не родила бы от Клайда,
Даже если бы им повезло добежать до Клондайка
И там укрыться,
Сменив имена, привычки
и выражения лиц,
Как меняют одежду в преддверии карнавала.

Говорят, есть любовь для которой обеих Америк - вульгарно
мало.

Только Господь не придумал третьей Америки,
С по-настоящему честным небом,
ясными звездами,
бескрайней прерией,
Где могли бы жить долго такие как Клайд и Бонни,

Никогда не оскверняя оружием своих ладони.
28.07.

Бесноватое...

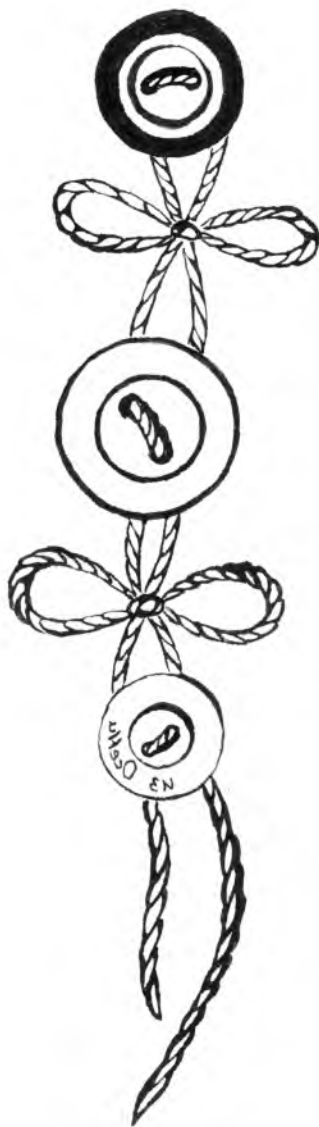
Первый день карнавала - даром,
 для особо голодных.
Тех, кому заплатить нечем
 за его кофейно-свободный запах,
 пьянящий быстрее рома.
За усталость в ногах.
За неприлично томные взгляды и разговоры
 После заката.
За желание бросить все,
Чтобы сбежать неизвестно куда,
Лишь бы не становиться
 частью бесплатного балагана

Цельнометаллическое

У нее бронзовая кожа,
 золотые запястья,
 медные волосы.
Серебряные нервные окончания,
 голосовые связки,
 ахиллесовы сухожилия.
Алюминиевые легкие,
 стальная печень,
 ртуть вместо крови.
Платиновые ребра,
 и титановый позвоночник.
Можно нескончаемо долго
 тестировать ее на прочность,
 но так и не догадаться -
Из какого металла
 выковано ее сердце.
10.11.

Станислав Симонов

1987 года рождения,
студент Тюменской
Академии Искусств
Культуры и Социальных
Технологий, специальность
– художественная керамика.
Поэт, практикующий
Ассоциативный Символизм.
Один из основателей
творческого объединения
Ядерная Зима Русской
Интеллектуальности.

«О клубнике»

Мне клубникой не объесться!
Ни за что и никогда!
Будет мной клубника есться,
Будет питься, как вода.

Мне не лопнуть и не взвизгнуть!
Ни завывать, ни взвыть, ни пискнуть.
Рот набью и промолчу.
Вот, как я ее хочу!

Хоть ведерко, хоть котомку,
Хоть насыпьте мне в кровать!
Дайте волю вы ребенку -
Там, где ем, там буду спать.

Не ложиться, не садиться,
Даже стоя не годится.
Я залезу под кровать,
Буду в тишине жевать.

А зайдет кто, зарычу:
«Только я ее хочу»!

Я не жадина, не скряга,
Просто я клубникоед.
Как на ягоду налягу,
Не оттащите уж, нет.

Не делиться, не дружиться...
Нам, наверно, не ужиться.
Я и рад бы дать чуть-чуть.
Очень уж ее хочу!

08.07.2010 23:11:16

«Кулебя»

Ты серьезный, ох серьезный,
Ты серьезнее меня!
Я с улыбкой двухполосной,
Я смеюсь, я – кулебя.

Ты нахальный, ой нахальный,
Ты нахальной продавщиц!
Я с ухмылкой эпохальной
Хохочу, я – кулебиц.

Ты нахмуренный, ах хмурый,
Даже строгий ты чуть-чуть.
Я с улыбкой по фигуре
Надрываюсь, я – кульбусть.

Ты зеркальный, отражальный,
Ты за зеркалом, я здесь.
Ты немножечко охальный.
Я охальный весь, как есть!

21.07.2010 2:42:16

«О челке»

Челка на глаза свисает,
Челке я скажу: «привет!»
Дуну, челка исчезает,
Вроде бы ее и нет.
Перестану, появилась,
Снова дую, нет ее.
Что же с ней там приключилось?

Что же с ней произошло?

Перестану-ка я дуть!
Повидаюсь с ней чуть-чуть.
Расспрошу ее, разглажу,
Пусть она мне все расскажет.
Но ее не видно, жуть!
Неужели не вернуть?!

Я и вправо, я и влево,
Вверх и вниз, вперед, назад
Головой вращаю смело,
Что б вернуть ее назад.
И как будто с неохотой
Появилось, поползла.
«Ну, чертовка, ну, босота» -
Я любя ей, но со зла.

Весь измаялся, издулся,
Я спиной к ней повернулся.
Не хочу ее видать!
Может даже зачесать?!
Я состриг ее и баста.
Новый друг – зубная паста!

21.07.2010 3:41:07

«О личном пространстве»

Я за шторой, как дома.
Дома вроде, но за шторой?!
Штора вроде тоже дома?!
Штора та, я за которой.

Задеваюсь, ударяюсь,
Больно так, что не сознаюсь.
Ведь кастрюля – не игрушка!

Отдаю ее скорей.
Не нужна мне ваша утварь.
Без нее куда видней
То ли вечер, то ли утро.

И за шторой тоже пусто,
Бессознательно сидеть.
Шишка помогла мне устно
Эту истину узреть.

Дома я теперь, как дома.
Вроде дома... правда дома.

27.11.2010 0:36:21

**«О том, как важно научиться давать
отпор темноте»**

В час храпенья и сопенья,
В сумрачные времена!
В час ночной без промедленья
Пропадает чувство сна.
Появляются сомненья,
Встревоженья и волненья,
И немного подозренья,
Что, немного погодя,
Соберутся вместе тени
И закружатся галдя.
Как в мистерии солений

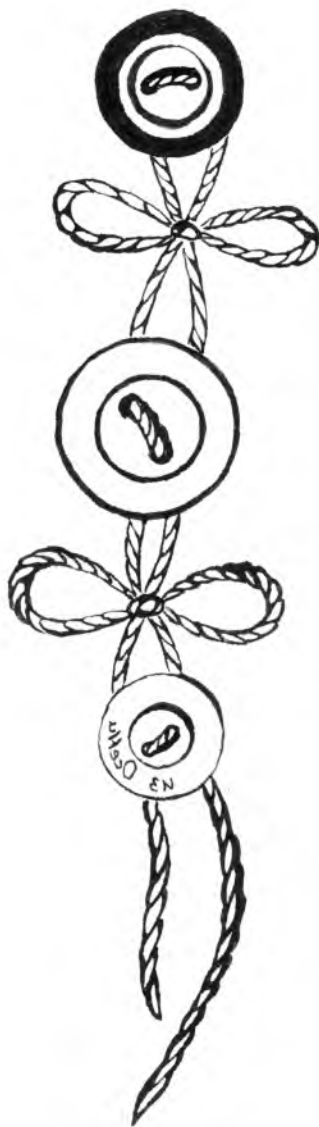
Тени банок огурцов
В бой пойдут крушить селенья
Злых томатов-подлецов.
Но одумаются вскоре!
Ведь от складок грузной шторы,
Волны по стене, как в море,
Заливают все просторы.
А от кошки тень как тень,
И встать ей тоже лень.
Хоть дразни ее фантомом
Полной миски молока
Или пряжи пол матка,
Ничего не выйдет, кроме
Иллюзорного зевка.
В общем, воцарится в доме
Занимательная тьма,
Как бутылочка боржоми,
Превосходная весьма,
Но назойливая, шельма!
У нее игривый нрав.
Тени, словно приведенья,
Пальчики пересчитав,
Перегнув и перебрав,
На меня как наважденье
Налетят, не разобрав.
И вот призрачной щекоткой
Станут рьяно щекотать.
Я, конечно, парень кроткий,
Но не время здесь роптать.
Я тогда вскочу с постели
И вскричу: «Ну, неужели
Вам не спится?
На разложенной кровати не ложится?»

Я вот маленький,
А спать люблю, как взрослый!
Будто в валенки,
Залезаю я под одеяло и на простынь.
Вот так просто!
Ночью спать должны все дети,
И жучки, и паучки.
И чудесней нет на свете
Ничего, чем спать, поверьте!
Разве что ну только летом
Лаковые башмачки.»
И, возможно, что на это,
И, возможно, что совсем
Не найдут они ответа,
И уснут мгновенно все.
И тогда я потянусь,
И мгновенно сам уснусь.

14.04.2012 1:41:22

Бессмельцева Олеся Васильевна

Родилась 7 июля 1985 года (28 лет) в с. Казанское, Тюменская область. Первое высшее образование в 2006 году (инженер), одновременно с которым получила диплом переводчика (англ. язык). С 2006 по 2011 занимала должность инспектора в головном отделении Сбербанка Тюмени, откуда ушла, чтоб продолжить образование. С 2010 г. студентка ТГУ по направлению лингвистика (немецкий язык). С удовольствием занимаюсь переводами немецкой лирики (Й.В Гёте, Ф. Ницше, Г. Тракль, С. Георге, В. Борхерт, В. Шнитке), редко немецкой прозы (М. Лютер, Т. Манн, М. Хайдеггер). Чтение – неотъемлемая часть моей жизни, поэтому лучше всего обо мне расскажут два самых любимых мною жанра: сказки и философия. Думаю, что в сущности это одно и то же.

Я смотрю сквозь стекло. Там - дома,
И такие же стёкла, и взгляды наружу.
И ни грамма души.
В мёртвых душах,
В стёклах город лежит.
О, неужто таким же простором объяты и вы,
незабвенные вечные горы!
Неужели возможно, чтоб вы
И стеклянная жизнь
Были вместе в одном измеренье!
Я смотрю сквозь стекло без смиренья
В мир пустой, в тёмный двор,
где не будет, где нет и где не было гор.

В жилище тишина, в душе моей - покой.
В безмолвной тишине живой
Ко мне
вот-вот
Мой самый лучший друг придёт,
Мой старый незнакомый.
Чуть что случись, он тут как тут.
Я слышу сердцем: тук-тук-тук!
“Эй! Где ты? Как ты? Отзовись!
Открой!”
Оставь и не стучись,
Входи и будь как дома.

Уравнение

Не сговориться, разность не свести,
Всю жизнь скользить по лезвию кинжала:
Он скажет, что мечтал меня найти,
А я – что я всегда его искала.

Не сговориться, не дано понять
друг друга в двуязычном мире
двупольных. Но позволь узнать:
Нельзя ль до круга двойственность дополнить,
из минусов-тире, минуя дно,
построить мостик вечного равно?

Бессонница

Дом как соты,
как решето стены:
Уснуть не могу,
Пока у соседа на третьем слева
насморк,

А на восьмом,
Не попадая в ноты,
Другой сосед настраивает трубу.

Две ночи подряд просмотрела глаза, прослушала уши,
Взгляд устал, и измученный слух
Покоя – беззвучия – ищет.

Но

В два часа третьей ночи
Заплакал соседский ребёнок этажом выше,
Отчаянно и горько где-то там, наверху.
Хрупкий, болезненный мальчик.

Январь. Пробуждение

(3)

Рассвет замешкался в узорах на окне,

И маятник застыл перед ударом:

Непобедимый миг!

Душа в огне,

Снег сыплет искрами,

Секунда бьёт в литавры.

Ни здесь, ни там, вне хаоса и лада,

В нигде оно и в нас,

Меж ближних и чужих,

И четырьмя оно чревато,

И ударяя, сталкивает их

В беззвучное сейчас.

Вечный вопрос

Есть ли Бог или нет,

У меня не спросили

И оставили жить трижды тысячу лет.

Набрести на ответ

Я конечно же в силах,

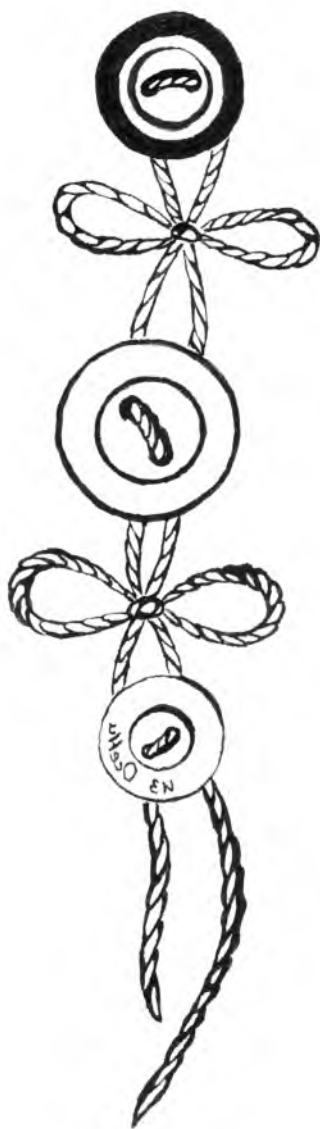
Только кто в этих силах ведущий момент?

Колыбельная для юных поэтов

Стрекочут клавиши послушно,
Поёт душа, парит рука,
Но шёпот, слышный ночью душевной,
Не тот, что озаряет души,
Не тот, что учит нас летать.
О небе время днём мечтать,
А по ночам писать не нужно:
Смеркается – ложитесь спать!

Владимир Фурсов

Владимир Фурсов-
Коновальский – родился
в 1985 году в Тюмени.
Выпускник ТюмГУ (ИИиПН).
Писать начал с 2003 года.
Публикуюсь в интернете на
«Стихи.ру». Помимо этого на
просторах интернета можно
найти видео- и аудиозаписи
моих произведений.

Иммунитет

Поставь лишь фамилию и дату,
Из списка ослепительных побед,
На обелиск безвестному солдату,
Погибшему на подступах к тебе.

Тебя воспевают в серенадах,
Посвящая тебе свои мечты,
И так и быть, если ты так уж хочешь,
Я буду называть тебя на «Вы».

Вы хотели, чтоб я пошёл на штурм;
Пытались заразить чумою глаз,
Но я... Я не болен Вами,
Чтобы умирать во имя Вас.
(Декабрь 2005 года.)

«Как отраженье приоткрытых глаз...»

Как отраженье приоткрытых глаз –
Открытые небесные ворота...
Не знаю я уже в который раз –
Моя душа покинула кого-то...

И стало ей легко, как никогда,
И стало тяжело – нет больше трона –
Закончена ещё одна игра...
И свёрнуты ещё одни знамёна...

Но встретила она родных и близких,
И встретила тебя – моё светило! –

И то, дороже всей прошедшей жизни,
Ведь я тебя любил, и ты любила...

Мы посмеёмся вместе над прошедшим,
И вспомним тайны – глупости сюжета;
И вспомним всё, на что не знали мы ответа,
Пока не спели всё, что было спето.

А после – снова явимся на свет,
Жизнь начиная с молока и манной каши,
И будем в книжках мы тогда читать про тех,
Кем были мы с тобой – на жизнь помладше...
(Апрель 2006 года.)

В возрасте 17-ти лет

О! как давно это было,
Да и было ли вообще?...
Помнишь, как закрутила
Нас судьба в колесе?
Когда рухнул, под гнётом реалий,
Придуманый нами мир,
И когда уходили в дальние дали
В кедах, стёртых до дыр.

И куда идём мы не знали,
Забредая в дебри порой,
Ничего не найдя – уставали,
И возвращались домой.
Но, на рассвете мы снова
Уходили чего-то искать –
Уходили искать чего-то такого...

А чего, не могли понять.

И нас учили прощаться –
Каждый раз, выходя из дома;
Нас учили прощаться
Со всем, что было знакомо...
Улицы хранили капканы,
Мы в кулаках кастеты –
Улицы хранили жестокие драмы
Из-за одной сигареты.

Мы азбуку жизни учили,
Изучая со всех сторон,
И уже стороной обходи
Грабли прошлых времён.
А судьбе – мы делали вызов!
И гадая по молниям глаз –
Учились понимать скрытый смысл,
Никем не сказанных фраз.

И ходя по тонкому льду –
Мы не раз попадали в плен,
Просыпаясь внутри поутру,
Прокуренных насквозь стен.
Мерили стаканами время,
Топя свою боль в вине,
И думали только уже послезавтра –
О нашем завтрашнем дне.

До утра под луной танцевали
Босиком на битом стекле,
А утром вдруг узнавали –

Как жить без войны на войне...
И мы очень часто мечтали
Окунуться в море небес,
Но, в который раз, ждать уставали
Мы от небес чудес.

Мы смотрели в зеркало лет –
Проплывали за нашим окном
В небесах руины надежд,
И мечтаний о небылом...
И барабанной – частою дробью
Билось сердце в груди,
А душа, захлебнувшись, плакала кровью
Предвзятого чувства вины.

Вины – перед такими,
Кого уже вряд ли спасти:
Вины перед нами самими,
Что счастья пытались найти,
Но мало чего находя –
Мы всё теряли в пути;
Сердобольно над нами смеялись друзья,
Про нас забывали враги...

И! – не хватало светила –
В жизни на дне колодца –
Путеводной звездой светила
Лампочка ярче солнца...
И мы видели отраженье
В зеркале грязных луж –
Мелкой сетью, вдоль и поперёк,
Залатанных наших душ.

И мы всё ждали ответа –
Ну где же она – любовь?!?
Но ответа похоже нету,
И мы забывались вновь.
Мы изменяли, терпя измены,
Сводя свои чувства на «нет»,
А потом... мы вскрывали вены
В возрасте семнадцати лет...
(Декабрь 2005 года.)

Страна чудесная. (Будущим поэтам)

Радуга светится над грозовыми тучами;
Перед тобою врата и дорожка дальняя –
Там, за пригорками снов, есть река могучая,
А за рекою лес, населяемый тайнами.

Если идти по дорожке – увидишь многое;
Если свернуть с неё – то узнаешь главное...
Сквозь пелену – загадочную, глубокую –
Можно добраться к самому сердцем желанному:

Где на поляне искусства порхают образы –
Только лови и прикалывай их к бумаге,
Да у любого встали бы дыбом волосы,
Если б на это набрался бы он отваги.

Ведь поляна-то эта костями усеяна,
Да полита обильно ловцов слезами...
Сколько праху надежд над нею развеяно?!?
Сколько её удобряли живыми сердцами?!?

Чтобы взросли цветы неуёмной истины;
Чтоб паучки плели свои сети прочные;
Чтоб колосились травы идей немислимых;
Чтобы порхали ангелы непорочные...

Если хочешь, чего ж, заходи, пожалуйста –
Всем ворота открыты в страну чудесную,
Только помни, что эта страна безжалостна,
Если пойдёшь туда за стихами-песнями.
(*Январь 2013 года.*)

CHAOS AETERNUS.

Здесь город возведут первопроходцы,
Как монумент могуществу Отчизны,
И, холодом зияющее солнце,
Над мрачными бараками зависнет,
Заиндевшей северной страны.
Здесь будут ждать несбыточной весны...

Пройдут парадом годы и столетья;
Истлеет всё; империи исчезнут;
И канут в Лету звёздные соцветья;
И, времени чернеющая бездна,
Всё поглотит, и сплюнет требуху...
Развеет ветер брентную труху...
Что будет дальше – предсказать не сложно –
Надеяться на чудо бесполезно:
Пред вечностью той равнотничтожны –
И пьяные трактирные повесы;
И мира величайшие цари...

Тебе ли с нею заключать пари?

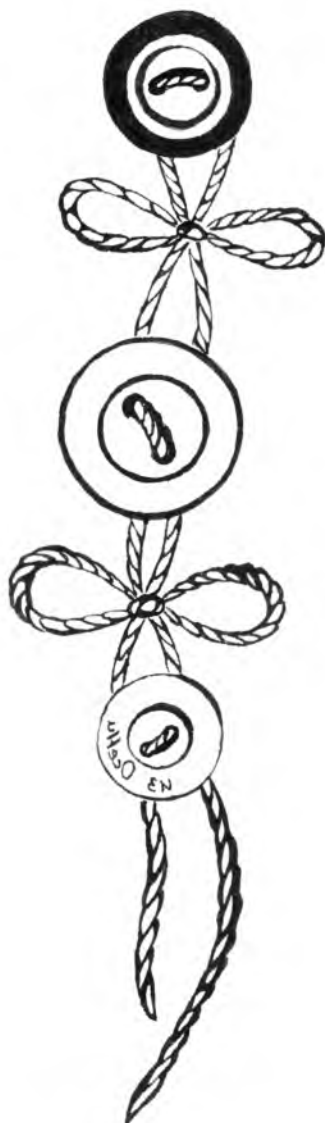
Всё сбудется своею чередою,
Но прежде, сокрушив твои портреты –
Холодной недовымершей змеёю –
В глаза тебе посмотрит правда эта –
Осколками твоих кошмарных снов...
Так равнодушно... и без лишних слов...

Ты ждёшь, но для меня всё это было –
Спокон веков косматый мир мне снился...
Я мрачных истин млечная могила!
За мною по пятам восход клубился,
И за девятым шёл десятый вал!...
Но я, как Будда, безмятежно спал.

Однажды, довелось мне быть и солнцем –
Всеосветившим – всеперевидавшим;
Однажды, довелось мне быть и бездной –
Всё поглотившей – всё переживавшей;
Перемоловшей жизненную твердь...
Однако, здесь всё смертно... даже смерть...

Но возрождал я вновь любовь – и сеял;
Менял, как шкуры, жизни человечьи...
Всё воплотил собою, всё измерил –
И вот, я выползаю вам на встречу,
Холодной и шипящею змеёй...
Являя ужас... правду... и покой...
(Январь 2013 года.)

Екатерина Заречнева

Мощность знания не засижена страницами.
Тщетность жизни не осушить часами и стаканами
Трупного яда горячих новостей из телеэкрана.
Я молчу, в пустоту уставившись сильней,
А кто-то счастлив, обнимаясь с астролэбией,
И умирает, отчаянно захлебываясь в пучине
Разномастной пряжи, силясь совладать со спицами.

Выворочены пни бинарными сигналами,
Пни - это такие червивые многосложные
Устарелости, нужные при тяге к дискретности,
Утраченной ныне не без смелости по глупости
И доверчивости в припадке ностальгической
Девиантности - недотроги.
Тем испуганные странники стремятся выскочить
На максимально удаленную орбиту гончарного круга,
Кажется, совсем не разберут дороги, на ощупь бредут,
Ослепленные яростью и богом забытые, опечаленные.

Вдруг яда на дне нет, и мне слышится в трубке,
Как вопят коровы, прыгающие в мясорубке,
Глотающей разом все, что угодно со всеми потрохами.
Пожарю котлет. Соя. Полезна для здоровья,
Но не приносит сытости, когда хочется крови.

Инстант - культурой замазаны трещины
На стенах, схваченных узорами граффити
Вечного мха вездесущей старости.

Отрицают покачивающиеся ветки, прогоняя облака,
Облака - знамения дурной погоды, испаряющей вмиг

Эйфорию и конденсирующей детские слезы.
И сразу в экстазе заморачиваются пестрые хороводы
Людей и кукол из остатков той пряжи,
Что по сути даже, лишь блик жестокой звезды,
Увлажняющей мысли и упрямо отторгающей
Неприкаянный дирижабль, летящий инородной
Скованной занозой от здорового мозга по ветру,
Вырвавшемуся из труб крематория.

Далеко и давно позабыт без булгаковщины
Теодолит, перерожденный, любезный и мертвый,
Острым концом циркуля пронзенный, заколотый.

Такая трогательная история. Думаю, дальше
Строитель ведро пустое потащит бодро
Туда, где появятся свежие трещины и лозунги стертые.
В ломбарде оставлен мастерок из золота. К обеду – котлеты,
А в кармане емкость с ядом, когда она рядом,
Я не чувствую. Устала, уснула. Ударяет током.
Просыпаюсь в открытой книге загадочным оборотом.

Свернусь калачиком я ночью
И буду думать о своём:
О тихих водах, темных очень,
В стакане содовой со льдом,

О снеге первом, о рассветах,
Что не встречала я одна,
Взгрустну немного о поэтах,
Мне доказавших: «Пей до дна!»

Пойму как трудно быть собою
Кружась в спирали серой суеты,
Где траекторией кривою
Порхают к свету старые зонты.

Про горы вспомню только дважды.
Гора Кейда, иди в Тибет!
Быть может, там сидит бумажный
Пророк твой верный Магомет?

Придут на ум коды соцветий,
Их невозможно позабыть.
Украл мой икс проказник-Ветер,
Чтоб в ряд Фурье навечно заточить.

И не устанут повторяться
Расклады карт, да черный воск,
Чифирь, столбы, билет без зайца,
Тот разговор под стук колес...

Умчусь в Безлюдные Пространства
Искать пропавший Фаэтон,
Когда найду, воскликну: «Здравствуй!
Скажи, когда начнется сон?»

Литературно-художественное издание

Сказки Другой Стороны

Сборник повестей, рассказов и стихов

Редакторы:

Л.А. Шмакова, Е.В. Панькина

Технический редактор:

Компьютерная верстка:

Печать электрографическая:

Печать офсетная: